

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

НОВЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Интерпретации в психоанализе: Там, где было Я и Оно, должно стать Иное

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МРА), экс-президент Московского общества психоаналитиков (МОП), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС).

В предлагаемой статье автор продолжает разрабатывать собственную концепцию квантового психоанализа, в рамках которой детально описывает иную квантовую природу интерпереноса, различные состояния которого сосуществуют одновременно в психоаналитическом процессе. В ходе анализа оба участника теряют свою классическую идентичность, чтобы обрести новую двусмысленную (классическую и квантовую) идентичность, и развивают способность оставаться одновременно классическим Собой и квантовым Иным. В работе обосновывается необходимость изменения известной формулы Фрейда, которая, согласно автору, должна принять следующий вид: «Там, где было Я и Оно, должно стать Иное». Теоретическая концепция иллюстрируется детальным клиническим материалом. Ключевые слова: психоанализ, интерпретация, перенос, контрперенос, интерперенос, идентичность, квантовый психоанализ, интерсуперпозиция.

В память о Диди

«Это мудрое безумье
Обезумевшая мудрость».
Генрих Гейне

Психоаналитик – Демиург?

Где рождаются интерпретации в психоанализе? В голове у аналитика? Это результат его размышлений, работы вторичного процесса его психики? Или они зарождаются в первичном процессе, поднимаются на рефлексивный уровень, обретают вербальную форму и выражаются в словах, произносимых аналитиком на сеансе?

Мы уверены, что нам точно известны ответы на эти, ставшие уже банальными, вопросы. *Но действительно ли высказываемые аналитиком интерпретации ему принадлежат?* Если они зарождаются в его «первичном бульоне»¹ и затем обретают словесную плоть и кровь во «вторичном бульоне», то ответ очевиден – да, они являются продуктом его психической активности и, более того, именно эта его активность и позволяет пациенту прорабатывать свои конфликты, разрешать проблемы, развиваться, обретать новые пост-эдиповы смыслы. Иначе в чем была бы ценность психоанализа? В чем была бы суть работы аналитика?

Как мы хорошо знаем, психоанализ – это одновременно исследование и лечение. А психоаналитик – путешественник-исследователь и терапевт. Между этими двумя позициями существует непреодолимый конфликт, выражаемый в парадоксе, о котором я люблю рассказывать студентам первого курса психоаналитической магистратуры: «Если Вы хотите вылечить пациента, то Вы никогда не будете аналитиком. Но если Вы не хотите его вылечить, то тем более не будете им». Смысл парадокса в том, что, если мы хотим избавить пациента от его симптомов, то мы занимаем позицию терапевта, теряя позицию исследователя, для которого подобная цель является не более, чем побочным результатом психоаналитического путешествия. Демиургическая заряженность психоаналитического подхода питается как раз этим стремлением исцелить пациента, облегчить или даже полностью разрешить его психические и психосоматические страдания. В крайнем проявлении этой сугубо «терапевтической» тенденции пациент становится «объектом» лечения. Однако, если мы принимаем только позицию исследователя-путешественника, мы теряем контакт со страданием пациента, а следовательно, и с ним самим. Он становится «объектом» исследования, а не субъектом, с которым мы совместно проводим аналитическую работу.

---

¹ Я использую здесь аналогию между первичным психическим процессом и «первичным бульоном» в концепции зарождения жизни на Земле, выдвинутой А.И. Опариным.

Если же аналитик не стремится остаться ни в позиции «терапевта-демиурга», ни в позиции «исследователя-демиурга», а колеблется-балансирует между ними, то кому тогда принадлежит тот самый «первичный бульон» психоаналитического процесса, в котором зарождаются новые репрезентации, смыслы, инсайты, слова и интерпретации? Ответ хорошо известен. Это «бульон», возникающий в ходе взаимодействия бессознательного пациента и бессознательного аналитика. Но каким образом в ходе некоторых наших теоретических осмыслений он начинает принадлежать исключительно психическому аппарату аналитика? В других концептуальных подходах бессознательное аналитика улавливает нечто из этого общего бульона, затем это нечто контейнируется и перерабатывается уже во внутреннем мире аналитика. Неслучайно мы так часто используем формулировки: «аналитик формирует, конструирует, реконструирует, контейнирует, перерабатывает бета-элементы в альфа, делает то и это и т.п.».

В парижском интервью, полагая, что любой аналитик должен быть сродни художнику, Уилфред Бион уточняет, что аналитик: «Это точно не тот, кто может обмануть ваши глаза, заставить вас увидеть дерево там, где его нет, скорее это кто-то, кто сделал так, чтобы вы могли увидеть, что это на самом деле дерево, и обнаружить его корни, даже если они под землей» (*Bion, 1978*). Здесь есть несколько моментов, требующих прояснения. Бион противопоставляет два типа «художников».

Я понимаю предлагаемое им различие следующим образом. Первый *конструирует* совершенно новую реальность, создает ее как Демиург, заставляя увидеть «дерево там, где его нет», сознательно или неосознанно полагая, что в новой реальности пациент исцелится и сможет жить более удовлетворенным или даже счастливым. Аналитик-художник второго типа, напротив, стремится *реконструировать* внутреннюю реальность пациента, вновь открыть для него его собственное «дерево», сделать так, чтобы пациент смог увидеть, «что это на самом деле дерево, и обнаружить его корни, даже если они под землей». Эта на первый взгляд очень гуманистическая и центрированная на человеке метафора аналитической работы представляется мне продолжением все той же демиургической идеи работы с пациентом – аналитик знает то, что «на самом деле» спрятано во внутреннем мире пациента. Первый тип художника-аналитика можно сравнить со скульптором, который заранее знает, какую скульптуру он собирается высечь из твердого необработанного, бесформенного камня. Второй тип художника аналогичен скульптору, который «встречается и взаимодействует с камнем», от этого у него постепенно рождается образ будущей скульптуры, он «отсекает все лишнее, мешающее», и образ оживает.

Второй тип очень созвучен устоявшемуся в психоанализе пониманию психоаналитической работы как предоставление пациенту своего психического аппарата, контейнирование его сырых и неусвоенных психических элементов, их переработке и возвращению уже в виде альфа-элементов,

из которых выстраивается новая психическая реальность пациента. В некотором смысле такой аналитик-художник-скульптор еще больший демиург, чем представитель первого типа. На переднем плане он никак не навязывает пациенту своего видения, но за кулисами, на более скрытом плане он демиургически забирает в себя пациента, перерабатывает его и возвращает ему его обновленное «Я».

Я, конечно, полемически заостряю проблему «демиургичности» аналитика и неизбежно преувеличиваю ее, но я полагаю, что это необходимо сделать, чтобы четче дистанцировать от этого явного или скрытого демиургического подхода иной взгляд на психоаналитический процесс. Продолжая использовать аналогии со скульпторами, я мог бы сказать, что у первого типа скульптора интерпретация того, какой должна быть его скульптура, возникает на уровне вторичного процесса. У него уже есть образ, который он хочет создать. Напротив, интерпретации аналитика второго типа рождаются в его первичном «бульоне», который за счет эмпатии и контейнирования, принятия проекций пациента получает много новых сырых компонентов. Задача аналитика состоит в том, чтобы, не отвергнув эти проекции, принять их в свой первичный бульон, «сварить и приготовить» (Антонино Ферро) их так, чтобы они приняли съедобную и усваиваемую форму, перевести на уровень вторичного процесса (вторичного бульона) и вернуть пациенту, сказав в виде интерпретации «приятного аппетита!».

Возможен ли иной, не демиургический взгляд на психоаналитический процесс? Помня о том, что З. Фрейд метафорически описывал взаимосвязь Я и Оно как отношения всадника и лошади, для ответа на этот вопрос обратимся к методам приручения диких лошадей.

Дикая лошадь и терпеливый осел

В качестве одной из замечательных метафор взаимодействия между сознанием и бессознательным, Я и Оно, психоаналитиком и пациентом бразильский психоаналитик кляйнианской школы Руджеро Леви предложил латиноамериканский метод приручения дикой лошади с помощью осла. Лошадь привязывают к ослу на длинной веревке и выпускают эту пару на волю. Лошадь устремляется на свободу, прочь от лошадиного загона. Осел сопротивляется, не желая покидать угол, ставший ему домом, но он не в силах противостоять страстному желанию лошади освободиться. Неразрывно связанная пара уносится настолько далеко, насколько у лошади хватает сил преодолеть сопротивление осла. Наступает момент, когда она устает и слабеет. Торжествующий терпеливый осел, предчувствуя победу, начинает не торопясь, медленно, но немолимо возвращаться домой – туда, где его ждет еда. Уставшая, потерявшая много сил лошадь сопротивляется, но натянутая веревка вынуждает ее следовать за ослом. Легко можно себе представить, что она еще не раз решается на бунт, вновь утаскивая осла далеко от фермы, но каждый

раз ее восстание заканчивается упрямым, непреклонным движением осла по направлению к дому. Мы можем даже легко себе представить, что лошадь в какие-то моменты физически атакует осла, стремясь освободиться от него, но ничего не помогает – они продолжают быть связаны воедино. Как бы ни был ранен осел, он все равно найдет дорогу домой, где его накормят и залечат его раны. Единственная возможность лошади обрести свободу – перегрызть веревки, разорвать мучительную связь, уничтожающую ее свободу. Судя по тому, что это способ приручения лошади в Бразилии эффективен, мы можем полагать, что мало какой лошади удастся разгрызть веревку и освободиться. Осел приводит полностью обессиленную лошадь в загон, который теперь становится и ее новым домом. Она теряет свободу с ее опасностями и неопределенностью, но обретает взамен стабильность, защищенность и постоянное питание в обмен на труд.

В анализе роль такого осла играет аналитик, который призван обуздать бессознательное пациента. Этот совсем ненарциссический образ терапевта как осла крайне важен и симпатичен, особенно в связи с постоянно присутствующим в любой терапии искушением терапевта ощущать себя значимым, важным, помогающим, лечащим другого человека, который от него в этом зависит и который в одной из возможных нарциссических контртрансферентных фантазий без терапевта никак не справится. С другой стороны, осел в этой истории предстает одновременно и в роли всемогущего персонажа. Ничего не может произойти, что помешало бы ему вернуться домой и тем самым исполнить стоящую перед ним задачу. Он постепенно принуждает дикую лошадь к полному повиновению и послушанию, отказу от свободы, принятию ограничений с целью получения в результате лучших условий для выживания и существования, хотя последнее, конечно, очень спорно в случае лошадей, которых используют для тяжелого труда.

Использование способа приручения ослом дикой лошади в качестве метафоры для взаимодействия сознания и бессознательного, аналитика и пациента поднимает еще одну проблему. В этой истории осел и лошадь не понимают друг друга, они с самого начала и до конца говорят на разных языках. Осел в конечном итоге побеждает за счет своего терпения, воли и стремления вернуться домой. Между ними не образуется никакой новой связи, кроме первой насильственной – веревки-«пуповины». В ходе их взаимодействия не возникает ничего принципиально нового. Нет сотворчества, есть только победа одной воли над другой, одного образа жизни (на ферме) над другим (на свободе). Лошадь должна принять то, что уже существует, приспособиться к отлаженному порядку вещей, адаптироваться к новой более стабильной реальности и научиться получать от нее удовольствие. Вместе с отказом от свободы исчезают неопределенность, опасности, необходимость бороться за выживание. Взамен лошадь обретает реальность, в которой есть контроль, надежность, защита.

Выглядит несколько пессимистично, но отказ от инфантильного всемогущества, принятие депрессивной позиции и разумных ограничений – разве все это не позволяет нам становиться более зрелыми психически? Разве не это происходит с нами с самого детства? Мы шаг за шагом узнаем, что мы не бессмертны, не всемогущи, не можем быть свободными от всего и всех, не можем удовлетворять все наши желания, иметь все, что захотим, и тогда, когда захотим. Мы учимся ставить себе цели, настойчиво идти к их достижению, терпеливо ожидать результатов, которые не могут прийти немедленно. Разве это не одна из главных целей любой серьезной терапии – помочь пациенту, ждущему немедленного чудесного избавления от своих психических страданий, принять реальность долгого и терпеливого пути к этой цели? Не следует ли нам вместо лелеяния инфантильной мечты о себе как о совершенно свободной и ни от кого не зависящей личности, свободно удовлетворяющей все свои желания, постепенно переходить к более зрелому образу трудолюбивого, стабильного и надежно-го осла?

С другой стороны, должны ли мы таким образом обуздать наше (и пациента) бессознательное, чтобы его максимально приручить, привести его на конюшню в стойло, чтобы оно, отказавшись от свободы, приняло это стойло как свою новую жизненную реальность? Там, где было Оно (дикая лошадь, бессознательное), должно стать Я (осел, сознание)? То есть фактически в целях адаптации к реальности дикая лошадь должна стать психологически подобной ослу. Аналогично, должен ли проходящий анализ пациент формировать такого осла уже внутри себя (наблюдающее аналитическое Я), который будет неумолимо и настойчиво превращать любых диких лошадей в его внутренней реальности в послушных и хорошо адаптированных ослов?

Однако разве это происходит в ходе психоаналитического процесса? Постепенное принятие строгого неизменного кадра позволяет пациенту сохранять максимальную творческую свободу внутри его. Принятие ограничений реальности, от которых мы не можем быть свободными, позволяет нам быть свободным внутри их, но не от них. Только инфантильное психическое пространство свободно от смерти, от различия полов, от множества других ограничений. Приняв их, выдерживая их, сохранить и даже развить в себе внутреннюю свободу – вот главная задача. Приняв ограничения осла, став им в некоторой мере, не перестать быть и дикой лошадью, не потерять ее стремления к свободе, творчеству, фантазийности.

Но тогда получается, что речь идет о новой, принципиально иной психической реальности, которая должна возникнуть в ходе взаимодействия между ослом и лошадью, Я и Оно, аналитиком и пациентом, где они уже не связаны веревкой как два разных объекта, а представляют собой *Иное* – новое кентаврическое Я, которое уже невозможно разделить на две разные составляющие части. В один момент на сцене психической жизни больше проявляется надежная и стабильная «ослиная» сторона Я,

заботящаяся о принятии ограничений и отвечающая за адаптацию. В следующий момент осел, уверенный в стабильности кадра, отступает за кулисы, освобождая пространство для резвящейся на свободе творческой «лошадиной» стороны Я.

Рождение Кентавра

Другая метафора психоаналитического процесса базируется на встрече и взаимодействии двух разных существ, а не на постепенном приручении одного другим.

В Северной Америке способ приручения дикой лошади заключается в том, что человек и лошадь остаются вдвоем на долгое время в замкнутом пространстве, ограниченном высоким забором. Человек неподвижно стоит в центре круга, а лошадь с бешеной скоростью скачет по кругу, практически вжимаясь в забор, на максимально возможном отдалении от человека. Ей некуда деться, она не может перепрыгнуть забор и вырваться на свободу, как ее бразильские собратья, связанные с ослами. Она не связана физически, она может свободно двигаться, но в ограниченных пределах. Человек стоит с опущенными в землю глазами, не смотря на лошадь. Она понимает, что ее не хотят схватить, начинает постепенно успокаиваться, замедляться и наконец останавливается. Как только она останавливается, он делает минимальное движение в ее сторону. Она мгновенно срывается в галоп, а он снова замирает.

Это только самое начало долгого процесса разговора без слов двух разных существ – человека и дикой лошади, процесса формирования взаимодействия между ними. Они начинают присматриваться друг к другу, принюхиваться, приглядываться, фантазировать о том, могут ли они создать что-то новое. Но что именно? Пару? Человек и лошадь? Что же происходит и что формируется в процессе этого взаимодействия?

В самом начале, когда человек неподвижно стоит в центре круга и не смотрит на лошадь, все его чувства и фантазии направлены на установление контакта с ней – он старается слушать ее бег, хрип, дыхание, топот, ощущать ее, мысленно разговаривать с ней, уже фантазируя о том моменте, когда он сможет подойти и надеть на нее узду. Лошадь также полностью сконцентрирована на человеке, на его движениях, взглядах, опасности, исходящей от него. Но каждый раз, когда ее опасения не подтверждаются и человек не стремится схватить ее и привязать к себе, каждый такой не состоявшийся в физической реальности контакт ее с ним сближает, формируя в переходном психическом пространстве между ними что-то другое, новое, непонятное, но не такое пугающее. Долгий невидимый разговор двух существ как раз и порождает их слияние в иную, ранее не существовавшую сущность – потенциального кентавра, в котором не существует пары, состоящей из отдельных существ, человека и лошади,

но создается новая иная сущность, в которой человек и лошадь образуют неразрывную и неделимую связь.

Никто не знает, ни всадник, ни лошадь, в какой момент из них двоих формируется кентавр. Лошадь в очередной раз останавливается, но человек вместо небольшого шажка в ее сторону внезапно быстро и уверенно подходит к ней, прикасается, гладит ее за шею и надевает узду. Почему именно в этот момент лошадь не убегает, не срывается на бег? Она устала убегать? Смирилась со своей участью? Отказалась от свободы? Думаю, что нет. К этому моменту их взаимодействие, неслышимый диалог, развивающийся контакт привел к возникновению нового существа, объединяющего их обоих – кентавра. И лошадь не убегала, потому что это новое существо оказалось для нее интересным, любопытным, привлекательным и заманчивым. Новая кентаврическая реальность, неразрывно связывающая ее с человеком, показалась ей достойной заменой свободы без человека.

Этот кентавр сохраняет силу и свободолюбие лошади (бессознательного), но они сбалансированы контролем и властью человека (сознания).

Тайна внезапного возникновения кентавра аналогична тайне возникновения инсайта в психоаналитическом процессе. Настоящий инсайт возникает тогда, когда его не ожидает ни аналитик, ни пациент. Если инсайт предсказуем, то это означает лишь то, что один из персонажей аналитической пары полностью дирижирует и управляет всем процессом. Понятно, что описанный выше процесс приручения лошади, в ходе которого возникает новая кентаврическая сущность, представлен здесь утопически идеально.

Очевидно, что в реальности все протекает значительно сложнее и драматичнее. Человек может ошибиться и решить, что это тот самый момент, но в ответ получить удар копытом, который отбросит назад их взаимоотношения. Ему придется начинать все заново. Без ошибок ничего нового не сформируется. Но оно обязательно рано или поздно возникнет, если их встреча продолжится.

До момента встречи каждый из них был отдельной сущностью, но, начиная с того времени, когда они оказались вместе в замкнутом пространстве, кентавр постепенно формируется в психическом пространстве между ними. Он не возникает в тот момент, когда человек надевает на лошадь узду, вскакивает на нее и становится всадником именно этой лошади. В этом случае он всадник и не более того. Абсолютно необходимым условием возникновения кентавра во внешней реальности, то есть видимое даже вовне слияние лошади и человека, является предварительное возникновение кентавра в их совместной психической реальности.

Если мы говорим о всаднике и его лошади, то известно множество примеров их взаимоотношений, в ходе которых каждое пережитое вместе событие или усиливало их связь, их кентавра, или, наоборот, ослабляло его

в случае возникновения недоверия или предательства. Кентавр в паре не возникает в одном и том же статическом образе раз и навсегда. Он начинает жить и развиваться как квантовая волна, чье развитие зависит от продолжающегося процесса взаимодействия человека и лошади. Если кто-то из пары, лошадь или человек, погибает, например, на войне, то разрушается только внешнее физическое проявление возникшего между ними уникального и неповторимого кентавра. Но он продолжает существовать в психическом пространстве оставшегося в живых, который, будь то человек или лошадь, может создать нового кентавра с другой сущностью или не быть способным больше это сделать в случае сильной привязанности к потерянному кентавру. Последнее, это тот случай, когда все существо одного из них инвестировано в новую иную сущность, когда вне ее нет отдельной собственной жизни.

Кентавр в психоаналитическом кабинете

Возвращаясь к психоаналитическому процессу, не то же ли самое происходит в ходе него? Встреча аналитика с пациентом не как с объектом анализа, а как с субъектом, представляет собой встречу с кем-то принципиально Другим, не-Своим, не-Близким, не-Известным, не-Понятным, не-Определенным, не-Знакомым, не-Пациентом и уж тем более не-Пациентом из психоаналитических теорий и, следовательно, скорее даже не-Другим, а Чужим. Как это ни провокационно прозвучит, этот другой человек со своей собственной непостижимой психической Вселенной для нас гораздо более Чужой, чем для человека лошадь.

Можем ли мы использовать «нашего кентавра» в качестве метафоры, описывающей как взаимодействие сознания и бессознательного в психическом мире отдельного человека, так и взаимодействие между двумя субъектами в любых их взаимоотношениях – любовных, семейных, дружеских, профессиональных и, конечно, психотерапевтических и психоаналитических?

Если мы согласимся с этим, то, сделав следующий шаг, мы будем вынуждены признать, что разделение того, что происходит в психоаналитическом кабинете, на перенос и контрперенос достаточно механистично. Вне всякого сомнения, эти термины чрезвычайно важны для понимания психоаналитического процесса. Но не теряем ли мы при этом главную суть и тайну анализа – того самого «кентавра»?

Во французском психоанализе Мишель де М'Юзан разработал концепцию психологической химеры, в которой он описывает, как два психических аппарата (пациента и аналитика), стремящиеся создать нечто целостное, создают некую разновидность неореализма, чудовища-химеры, оживленной особыми процессами, происходящими в парадоксальной системе. Эта система функционирует как общий аппарат двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предостав-

ляет содержание, аналитик – процессы. Функциональные способности аналитика одалживаются анализируемым (*M'Uzan, 1978*).

Как отмечает Бернар Шерве, рассматриваемая таким образом функциональная взаимодополняемость аналитика и пациента показывает ценность идентификационной близости – определенной симметрии между ними. Именно в это «первое время» – время химеры – интерпретационная работа психоаналитика не направлена на получение рационального знания. Это время глубокого аффективного и интуитивного познания психического функционирования пациента изнутри общей химеры. Аналитик, дающий интерпретации из химеры, воспринимается анализируемым как его другое Я. Когда наступает «второе время» интерпретации, последняя направляется на лучшее понимание всех аспектов взаимодействия, происходивших в «первое время», в том числе и на интерпретации, осуществленные изнутри химеры. Это «второе время» раскрывает фундаментальную диссиметрию между аналитиком и анализируемым (*Chervet, 1998*).

В описываемом мною подходе потенциально возможный «кентавр» это самое иное, которое начинает формироваться даже не с самого начала психоаналитического процесса, а задолго до него, когда будущий пациент размышляет о том, что, возможно, ему нужна терапия; переживает, как все будет происходить; надеется на лучшее, опасается худшего; фантазирует, какой терапевт ему нужен; каких отношений в терапии он хочет и ожидает. Но конкретный уникальный «кентавр» начинает формироваться тогда, когда он выбирает для своей терапии определенного терапевта. Точно таким же образом в формировании будущего «кентавра» участвует и аналитик. Когда он получает сообщение с просьбой о прохождении терапии, у него рождаются фантазии о том, что это будет за пациент, как ему будет с ним работать, он начинает что-то переживать, ощущать, испытывать, и при этом только самая небольшая часть этих переживаний достигает его сознания.

Насильственно разделяя целостные состояния, переживаемые «кентавром», на перенос и контрперенос, мы защищаем себя от невыносимости осознания простого факта, что, начиная с того момента, как мы приступили к работе с пациентом, возникающие в кабинете переживания не остаются в нем, а продолжают жить и развиваться во всех аспектах нашей жизни. Они лишь иногда выходят на поверхность сознания, когда внешне, казалось бы, ни с того ни с сего мы вспоминаем пациента, что-то из сессий, из его жизни. Такие неожиданные вторжения могут произойти, когда мы отдыхаем, едим, занимаемся любовью, работаем с другими пациентами – совершенно в любой момент нашей жизни. Переживания появляются не только в период реальной работы с ним, но и после ее завершения. Мы можем встретиться с ними лицом к лицу и через десятки лет. Психоаналитики уже давно осознали, что полного разрешения «невроза переноса» не бывает и что трансферентные, как и контртрансферентные остатки продолжают жить в нашей душе своей собственной жизнью (*Россохин, 2000*).

Парадокс состоит в том, что никакого отдельного переноса и контрпереноса не существует, но нам нужно думать о них, чтобы быть способными осмысливать происходящее в психоаналитическом кабинете. Вместе с этим это не должно уводить нас от того факта, что принципиально невозможно отделить перенос от контрпереноса и понять, кто и что вложил в *иной*, нелинейный многомерный мир психоаналитического Кентавра и в переживаемые им состояния в ходе психоаналитического процесса. Я использовал Кентавра в качестве творческой метафоры для более доступного описания разработанной мною концепции интерпереноса.

Диалектика интерсознания: дву-смысленность особых психоаналитических состояний интерпереноса

Расширение пространства сознания за счет освоения бессознательно-го – «Там, где было Оно, должно стать Я»² (Freud, 1933, p. 79) – может быть понято слишком буквально: разум завоевывает ранее неконтролируемые им бессознательные области психики. Подобная недиалектическая мысль ограничена противопоставлениями рационального и иррационального; сознания и бессознательного; души и тела; субъекта и объекта; переноса и контрпереноса. Диалектическая мысль подталкивает разум в направлении того, что является для него глубоко *чуждым* и принципиально *иным*. Что произойдет в результате этого движения и их встречи? *Иное* будет сведено к тождественному, или же сознание должно будет измениться, утратить свою изначальную идентичность и перестать быть тем же самым сознанием, превратившись в *Иное* по отношению к *иному* для того, чтобы быть способным выйти за пределы этой дву-смысленной дихотомии и одновременно охватить сознательное и бессознательное, тождественное и иное?

В своих предыдущих работах я показал, что в результате встречи сознания и бессознательного возникает принципиально новое *Иное*, обретающее новую идентичность, получающее новый статус по отношению к сознанию. Одновременно это новое *Иное* будет иным и в отношении другого участника встречи – иным по отношению к иному – принципиально иным по отношению к бес-сознательному, без-умному. Это новое *Иное*, новое и в отношении сознания и в отношении бессознательного, не может, на мой взгляд, иметь название, основывающееся целиком на одном из прежних понятий или на их сочетании, такое как, например, расширенный разум; абсолютное сознание; осознанное бессознательное и т.п. Для того чтобы выйти за пределы дву-смысленности и двойственности, за пределы дихотомии сознания и бессознательного, необходимо выйти в том числе и за пределы прежних понятий, чтобы утвердить то значение, которое способно максимально полно отразить смысл нового *Иного*, существующего в *междумирии* между Я и Оно, сознанием и бессознательным. Поэтому

² "Where id was, there ego shall be" (Freud, 1933, p.79).

я ввел новые понятия в психологии и психоанализе: *интерсознание*, *интерполилог* и *интерперенос* (см.: Россохин, 2004; 2010).

Встреча двух интерсознаний (аналитика и пациента) в психоаналитическом кабинете, их интерполилог друг с другом, в свою очередь, порождает новое междумирие, в котором возникают не отдельные трансферентные и контртрансферентные состояния, а порождается и развивается «психоаналитический Кентавр» – *интерперенос* с его различными интертрансферентными состояниями. В рамках этой концепции все, что возникает в психоаналитическом кабинете: чувства, телесные ощущения, фантазии, мысли, воспоминания, слова, интонации, действия у обоих участников процесса – это всего лишь проявления гребня кентаврического интерпереноса, чьи хвостовые проявления простираются вовне, с разной вероятностью проникая во все аспекты внутренней и внешней реальности как пациента, так и аналитика. В 2010 г. я писал о квантовой, а не классической природе интерсознания. На тех же основаниях я говорю и о *квантовой природе интерпереноса* и, соответственно, нашего психоаналитического Кентавра, который представляет собой *иную* квантовую сущность. В квантовом смысле все состояния интерпереноса (Кентавра) в ходе психоаналитического процесса *существуют одновременно*. Это разнoverоятностное сосуществование распространяется на все возможные состояния, в том числе и на практически полностью бессознательные. В классической картине развития психоаналитического процесса, включающего двух отдельных участников, проживающих те или иные состояния переноса и контрпереноса, которые осознаются и прорабатываются, практически не существует места для принципиальной «квантовой» непредсказуемости и неопределенности. С риском чрезмерной радикальности можно было бы даже добавить: нет места и для принципиальной невозможности знать, в каком направлении пойдет психоанализ и куда он может привести. Обращаясь к квантовой логике, мы начинаем понимать, что можем ожидать определенного будущего состояния для пациента (и аналитика!) только с некоторой вероятностью, принципиально никогда не зная, к какому в действительности результату мы придем. Как аналитик или пациент «выбирает», какому из бесчисленного множества вариантов будущего ему следовать? Может ли он вообще это выбирать? Происходит ли этот выбор полностью бессознательно, где человек становится его «жертвой»? Или он – хозяин своей судьбы, и сознание полностью контролирует его жизнь? Стараться понять и предсказать *все* означает попасть в западню классического (не квантового) подхода к терапии и превратиться в терапевта-демиурга. Это может помочь адаптации, но ценой потери развития.

Для более ясного различения классического (перенос-контрперенос) или квантового (интерперенос) понимания анализа я использую всеми любимую в психоанализе метафору внутреннего театра. Последовательное, шаг за шагом проявление тех или иных состояний переноса и контрпереноса, их постепенное угасание вследствие проработки

и тем самым освобождение ими психической сцены для более глубоких трансферентных состояний напоминает нам о театре, на сцене которого действие спектакля постепенно разворачивается, проходит свои кульминационные моменты и достигает апогея и финала. Каждая сцена, будучи сыгранной, «умирает» и наступает время для следующего действия.

Если же представить, что перед нами не одна трехмерная театральная сцена, а бесконечное число сцен, на каждой из которых любое отдельное действие пьесы не прекращается, но продолжается в соответствии со своей собственной логикой развития событий, тогда наиболее привычная для нас классическая пьеса будет представлять собой только одну, хотя и, возможно, наиболее вероятную возможность. Одновременно с этой расположенной на переднем плане классической сценой мы сможем наблюдать за происходящим лишь еще на некоторых из бесчисленного числа квантовых сцен. Но сама эта возможность многомерного восприятия кардинально изменяет весь происходящий процесс в целом. Мы не можем быть твердо уверены в том, что, начав смотреть классическую пьесу, в следующее мгновение не окажемся поглощенными какой-то другой квантовой постановкой. Все намного усложнится, если мы вспомним, что развитие событий на всех сценах не протекает параллельно и абсолютно независимо друг от друга. Реплики одного и того же актера с разных площадок могут быть адресованы как к самому себе в другом состоянии, в другой точке развития пьесы, разворачивающейся совершенно на другой сцене, так и к другим персонажам или кому-то из зрителей в зале.

Это не по сценарию, скажете вы, и будете правы. Психика не живет по сценарию, психоаналитическая пьеса пишется и проигрывается одновременно на всем бесконечном множестве сцен многомерного нелинейного пространства интерпереноса. Кажется, что тогда мы будем погружены в невообразимый хаос без какой-либо возможности понять, что же на самом деле происходит. Безумие на двоих, *folie à deux*?

Если нас это пугает, это не означает, что этого не существует. Сужая фокус своего психоаналитического слушания и внимания до одной-двух хорошо освещенных сцен, мы рискуем попасть в «болото» переноса-контрпереноса, как это часто бывает, например, с бесконечной проработкой прегенитальных детско-материнских отношений. Выхваченная рефлексивным светом одна из классических фигур интерпереноса начинает доминировать и приковывать к себе все внимание.

Когда я думал о таком многомерном театре, как о *метафоре интерпереноса*, мне пришла в голову еще одна метафора для его описания – опера. Когда мы слушаем арию главного героя, мы можем быть целиком поглощены ею и не замечать пения, движения, действий других персонажей: они сливаются с общим фоном, предназначенным для фокусирования нашего внимания на главной музыкальной партии. Но это не значит, что их нет или что они не играют свои роли. Их голоса взаимодействуют с голосом главного героя, они воздействуют на него, а он на них. В это же

самое время каждый взаимодействует и оказывает влияние и друг на друга, но при этом продолжает собственную микроарию, собственное существование. В следующий момент все может измениться и голос из толпы станет ведущим, а бывший мгновение раньше главным героем отойдет на второй план, но не исчезнет.

Квантовый психоаналитический интерполилог на сценах интерпереноса может представляться как абсолютный хаос или казаться монологом с одной-единственной арией. Но в реальности это живое развивающееся многоголосье, где каждый говорит что-то свое, но все вместе это воспринимается как нечто единое и несущее целостный заряд. Когда мы слушаем «Хованщину», в момент грандиозной групповой постановки мы не стараемся расслышать, о чем поет каждый участник этого невероятно многочисленного хора. Скорее мы позволяем себе расслабиться и ощутить то единое состояние, которое рождается в процессе взаимодействия между разными голосами.

На первый взгляд кажется, что, используя квантовый способ размышления, я могу сказать, что человек по аналогии с микрочастицей развивается и живет, подобно разветвляющемуся руслу реки или ветвистому дереву, сразу во всех возможных прошлых, настоящих и будущих психических состояниях, в вечно расширяющемся мире внутренних параллельных вселенных. Это, возможно, было бы красиво и гармонично, но, к сожалению или скорее к счастью, психическая реальность человека не столь романтична. Сохраняя эти ветвящиеся образы, но вспоминая о волновой природе нашей психики, о ее амбивалентности и неустранимой конфликтности, я понимаю, что все эти психические динамические состояния-ветви, существующие с определенной (не равной нулю!) вероятностью, еще и находятся в сложных, часто чрезвычайно конфликтных взаимоотношениях друг с другом, многократно переплетаясь, создавая болезненные или доставляющие радость узлы, очаги напряжения, области относительной гармонии, потенциально опасные зоны одновременно в каждый момент нашей жизни.

Все это звучит для классически образованного психолога или психотерапевта не как здравые рассуждения, а скорее как абсурдные или хуже бредовые фантазии из глубин одного из известных измененных состояний сознания. Но позволим клиническому опыту высказать свое суждение на этот счет.

В конце первого года анализа г-н К. рассказал мне о сновидении, которое как оказалось позже, отражало многие аспекты его внутренней реальности. «Большой зал, заполненный людьми. Впереди – президиум с важными персонами. Я сижу на самом последнем ряду, спрятавшись за спинами. В центре президиума – женщина. Внезапно ее лицо перекашивается то ли от боли, то ли от злости. Я пугаюсь, но в следующий момент она превращается в маленькую девочку, зовет меня и, когда я подхожу к ней, берет меня за руку и уводит из зала. Мы проходим какую-то перегородку

между этим миром и каким-то иным. Там высокая гора, и мы начинаем карабкаться на нее. Очень трудно. В какой-то момент я обнаруживаю, что я и есть эта маленькая девочка, и подниматься становится легче. Не знаю, дошел ли я до вершины или нет, но, когда я спускался вниз, нас опять было двое. Дальше я вижу как бы со стороны двух лежащих мальчиков. Они боятся подняться и перейти за перевал, в наш мир. Оттуда доносится металлический скрежет, как от ножа, шум. Один из мальчиков, более взрослый, все-таки встает и переходит через границу. Он сильный, спортивный, на нем одни плавки. Второй, маленький, остается лежать в том мире».

С каждым годом шестилетней психоаналитической работы возникший между нами интерперенос постепенно проявлялся посредством различных психических сцен, нашедших свое символическое выражение в этом сне.

На кушетке в моем психоаналитическом кабинете лежит мальчик-подросток, тренирующий свои мускулы, ущемляющий свою плоть, старающийся «сделать самого себя» для того, чтобы суметь противостоять обидчикам, унижающим его во дворе, но в первую очередь дома. Отомстить отцу, которого он воспринимает как садиста, издевающегося над женой и детьми.

Маленький мальчик, всеми силами стремящийся стать девочкой, лежащей у груди матери. Он уверен, что, если у него это получится, мама снова возьмет его к себе. Я вижу горькие слезы двухлетнего ребенка, переживающего, что мама прогнала его, отодвинула от себя сначала своим большим беременным животом, не позволяющим ему обнимать ее, как раньше, потом испугала его перекошенным от родовой боли лицом и сейчас поместила на его место рядом с собой маленькую сестренку.

Мне передается его возбуждение, которое он испытывает, спрятавшись под одеяло и подглядывая через щелочку сцену сексуальных отношений отца и матери под металлический аккомпанемент скрипучей железной родительской кровати, стоящей в противоположном углу комнаты.

Я слышу неуверенного и робкого мужчину, опасавшегося меня перебить, старающегося скрыться за рациональными и неживыми конструкциями своей речи, «сидящего на последнем ряду и прячущегося за спины людей», чтобы не попасть на глаза психоаналитику из президиума.

Я ощущаю некоторый страх перед взрослеющим мужчиной, для которого прошлое перестало существовать – под ним была подведена черта, которая отделила его и от всех теплых чувств: к матери, отцу, сестре, жене, дочери, психоаналитику, к кому-либо еще. Подросток, ставший наконец железным человеком.

Мальчик увлекает меня за собой в сладость и запретность потустороннего мира – мира своих тайных детских снов и фантазий, закрываясь

с головой одеялом и убегая таким образом от криков, ударов и шума драки на кухне. Только в этом мире он может дать волю своим инфантильным сексуальным желаниям и фантазиям. Только здесь мать наконец принадлежит только ему одному. Он не хочет просыпаться и возвращаться в эту жестокую реальность. Лучше остаться лежать и продолжать пребывать в сладких грезах.

Я чувствую удовольствие от работы с этим умным и мужественным человеком, находящим в себе силы воспринимать свои различные состояния, открывающиеся в ходе свободных ассоциаций о сновидении, эмоционально выражать себя перед лицом (и в отношении) аналитика, совершать свои маленькие и большие открытия, радоваться вновь обретенной способности фантазировать, говорить все, что приходит в голову, чувствовать себя свободным и ощущать творческое отношение к самому себе и к собственной жизни.

Одновременно с мальчиком, жаждущим мщения и находящимся под властью тайного желания стать спасителем матери, избавиться от отца и занять его место рядом с ней, оживает и уже прогнавший отца из дома юноша, ожидающий возмездия, переполненный чувствами вины и страха.

Передо мной предстает жесткий, если не сказать жестокий, отец, страдающий от переполняющей его злости и ярости и, кажется, стремящийся разрушить все вокруг себя. Его металлический голос напоминает мне о пугающих звуках за перегородкой, о ножах и обо всем, что режет и угрожает кастрацией.

Подросток, смело перешагивающий границу, отделяющую его от отца, ищущий его одобрения, поддержки, гордящийся им и собой, сидящими высоко в небе, в кабине подъемного крана (отец был крановщиком) – отец дал ему эту возможность, – и сейчас он управляет всей этой машиной, перемещая очень тяжелые бетонные плиты, что сопровождается сильным металлическим скрежетом.

Мы не можем видеть в рассказанном пациентом сновидении более взрослых женских образов, с которыми пациент бессознательно идентифицируется, но в других его снах они отчетливо обнаруживаются. Скрытая женственность пугает гомосексуальностью, но проживание и принятие в анализе этих женских, пассивных, эмоциональных состояний рождает в пациенте способность быть нежным, заботливым, чувствительным, ощущать привязанность без потери собственной мужской идентичности.

Кто остается лежать в том ином пространстве?

Маленький мальчик, осознавший невозможность превратиться в девочку, отчаявшийся приблизиться к матери и опустивший руки? Или мальчик, отказавшийся вставать и идти навстречу отцу и тем самым кастрировавший себя самого, опережая ожидаемое им действие отца? А может быть, это тот самый мальчик, который стремился поскорее уснуть

и убежать в глубоко эмоциональные, а временами и остро эротические сны своего детства? Уснуть и не возвращаться в реальность?

Я ставлю эти вопросы не для того, чтобы дать на них ответы. Моя задача показать, что *одновременно* в квантовой реальности интерпереноса существует *бесконечное множество* различных состояний, жизненных сценариев, голосов. Я могу выбирать некоторые из них, заостряя внимание пациента на них, предлагать ему свое собственное видение – ту или иную режиссуру в соответствии с той или иной психоаналитической стратегией, но что действительно важно, чтобы мы оба были способны слышать многоголосье, одновременно участвовать в постановках на совершенно различных сценах и пытаться уловить их скрытые многомерные смыслы.

Читатель, наверное, обратил внимание на то, что я описываю все сцены и состояния интерпереноса в настоящем времени, хотя, казалось бы, все это происходило с пациентом в далеком прошлом, да и в нашей работе открывалось в течение более чем трех лет. В анализе эти состояния интерпереноса не проявлялись последовательно в соответствии с хронологией жизни пациента. Нельзя даже сказать, что они появлялись вперемешку. Точнее, они *всегда были*, но ни сам пациент, ни я не могли их разглядеть и почувствовать. Однажды выйдя из тени, они уже не исчезают полностью, но все время напоминают о себе эмоцией, образом, ощущением, интонацией, жестом, новым поворотом сюжетной линии на их сцене. Связанные с одним сновидением, описанные мною выше немногочисленные интертрансферентные состояния, наряду с бесконечным множеством других, оставшихся в тени и не проявленных, сосуществуют в анализе не в прошлом пациента, а в *настоящем* интерпереноса.

Квантовый психоанализ: интерперенос и интерпретация

В описанной в начале статьи позиции аналитика как «путешественника-исследователя» в свою очередь скрывается новый парадокс. Если мы путешествуем, то мы теряем способность исследовать. Если исследуем, то перестаем путешествовать. В аналитическом процессе мы путешествуем внутри интерпереноса, во многом теряя субъектность. В исследовании аналитик занимает позицию субъекта-наблюдателя, а пациент превращается в объект исследования. Интерперенос при этом исчезает, а путешествие прекращается. Какой же выход? Поиск баланса между исследователем и путешественником? Опять неразрешимая дихотомия классического подхода. В этой статье я продолжу развивать квантовый подход к пониманию психоаналитического процесса, представленный в других моих работах (Россохин, 2010).

В отличие от популярного заблуждения, в квантовой физике объекты не являются ни частицей, ни волной. Они всегда имеют одновременно свойства и частицы и волны (сравни с кентавром). Если выразиться точнее, то квантовый объект находится с определенной вероятностью одновременно

«везде и сразу» – в каждой точке пространства и в любое время. Такое нахождение квантового объекта одновременно во всех его возможных состояниях называется в физике суперпозицией.

Еще одно заблуждение состоит в том, что при любом наблюдении происходит коллапс волновой функции, и квантовый объект, находящийся до момента наблюдения в суперпозиции, мгновенно принимает только одно из всех возможных состояний. Приводящее к схлопыванию суперпозиции внешнее влияние должно быть не просто пассивным наблюдением, а достаточно активным воздействием на объект, например попыткой точного измерения какой-либо его характеристики. Однако и в случае активного воздействия все не настолько очевидно. Согласно мысленному эксперименту с «кошкой Шредингера», мы никогда не можем точно узнать ни почему происходит схлопывание суперпозиции, ни в какой момент оно произойдет, ни к какому конкретному результату оно приведет.

Известно только, что это схлопывание и, соответственно, выбор одного из бесконечного числа возможных состояний зависит от частоты измерения состояния объекта. Чем чаще и настойчивее попытки понять и определить состояние, тем быстрее оно изменится самым непредсказуемым образом. Однако квантовые явления носят изначально вероятностный характер, и он принципиально неустраним. Вселенная – это набор вероятностей, возможностей, поэтому при выборе одного из состояний все остальные продолжают потенциально присутствовать с соответствующими вероятностями.

Согласно копенгагенской теории (Нильс Бор и Вернер Гейзенберг), приводящее к коллапсу волновой функции наблюдение происходит, когда классический объект вмешивается в квантовый мир, который в результате теряет свою квантовость и превращается в классический.

В другой теории «многомировой интерпретации» (Хью Эверетт) вторгающийся в квантовый мир измеряющий объект (активный наблюдатель) представляет собой не классический объект, а точно такой же квантовый, как и тот, который он стремится измерить. Соответственно, оба объекта, «волновой» и «наблюдающий», находятся каждый в своей квантовой суперпозиции с потенциально бесконечным спектром возможных состояний. Их взаимодействие, в отличие от теории Бора, не приводит к схлопыванию исследуемого объекта до одного из состояний, а, напротив, порождает новое бесконечное множество миров-состояний, неразрывно включающих в себя элементы обоих объектов.

Вспоминая здесь о своей кентаврической метафоре, я мог бы даже сказать, что процесс возникновения Кентавра концептуально очень близок теории многомировой интерпретации. Два объекта, дикая лошадь и всадник, каждый в своей собственной квантовой суперпозиции, встречаясь и взаимодействуя друг с другом, приводят к возникновению нового квантового объекта «Кентавр» с новым, присущим только ему бесконечным спектром кентаврических состояний.

Но все не так просто. В одном из потенциально возможных миров действительной встречи не состоится и каждый останется при своих – дикая лошадь и всадник, Оно и Я, пациент и аналитик. В другом – всадник полностью подчинит себе лошадь. В третьем – лошадь подчинит его себе (патологическая привязанность к конкретной лошади).

Все остальные бесконечные комбинации потенциально могут привести к совершенно различным состояниям Кентавра, от самых ужасающих и грубых до заботливых и мудрых, как это прекрасно описано в античной мифологии.

Как же не потеряться в этих психоаналитических суперпозициях и иметь возможность не только пребывать в квантовых состояниях интерпереноса, но и осмысливать, прорабатывать, интерпретировать их?

Наверное, все помнят детскую игру: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три, морская фигура замри». Ребенок свободно двигается (волна-процесс) и в момент произнесения ведущим «замри» замирает в некоторой телесной позе-фигуре (частица). Дальше эта фигура символизируется и интерпретируется. Для ее осмысления находят соответствующие образы и слова. После этого все снова повторяется – ребенок продолжает движение из застывшей позиции и свободно двигается вплоть до следующего «замри». Морская фигура оживает, волна движется до следующей остановки.

В психоаналитическом процессе каждое слово, которое аналитик произносит вслух, а не внутри себя, производит воздействие, аналогичное слову «замри» в игре. Оно приводит к мгновенному «замиранию» волны интерпереноса, превращению ее в статическую «морскую» фигуру. Волновой свободно-ассоциативный психоаналитический процесс при произнесении аналитиком слова, превращается в частицу.

Важно осознавать, что, в отличие от детской игры, волновой психоаналитический процесс в этот момент продолжает свое движение. Он замирает только на поверхности, на освещенной части психоаналитической сцены, продолжая свое движение за кулисами. Волновой процесс интерпереноса продолжает жить своей психоаналитической жизнью. Мы думаем, что мы ухватили его, и это так и не так одновременно. «Мгновенье... продлись, постой» (Фауст) – в это мгновение мы что-то небольшое можем ухватить – фактически в момент произнесения слова. Но сразу же мы всё теряем, «танцующая» волна уже ускользнула из наших рук. Два утверждения совершенно равноценны: «мы действительно что-то ухватили» и «в этот же момент мы это потеряли».

Все это подобно наблюдению за облаками в небе. Мы видим облако и фантазируем о нем. Это маленький слон с большими ушами, тянущийся своим огромным хоботом к соседнему облачку. Мы продолжаем эту фантазию, а облако живет своей собственной жизнью. Уже через несколько секунд его уши начинают таять и исчезать, его фигура вытягивается,

и спустя всего минуту слон превращается в длинного голодного питона. Мы действительно что-то ухватили из жизни облака и в этот же момент потеряли.

Когда мы наблюдаем за течением горной реки, следим за гребнями волн, маленькими и большими завихрениями и водоворотами, мы можем на мгновение приостановить поток, выхватив из него какой-то образ, удерживая его и играя с ним. Мы можем даже начать его рисовать, дополняя его своими фантазиями. Но горная река при этом ни на мгновение не остановится, а продолжит свое движение, из наблюдения за которым мы вышли. Невозможно постоянно наблюдать за горной изменчивой рекой. Тем более невозможно погрузиться во взаимодействие с ней. Точно так же, как совершенно невозможно, глядя ночью в звездное небо, долго удерживать ощущение бесконечности Космоса. Мы невольно цепляемся за статические образы – ищем известные созвездия или рисуем их сами, ждем падающие звезды, чтобы загадать желание, или просто переключаемся на плавное движение светящейся точки-спутника.

Интерпретация – это наша попытка обуздать квантовую волну интерпереноса, превратить ее в фигуру-частицу, которую можно осмыслить и выразить в словах.

Даже частично проживая психоаналитический процесс внутри волны интерпереноса, аналитик переживает тревогу от незнания, непонимания, страх потери контроля, даже идентичности. Любое наше вслух сказанное слово, фраза, вопрос, уточнение или интерпретация – это наша попытка справиться со страхом пребывания в этой волне, с невыносимой неопределенностью ее постоянного движения и изменения, подчиняющимся своим, совершенно непонятным нам законам. Чтобы справиться с тревогой, нам нужно обмануть себя и успокоить, подтвердив себе, что «на самом деле я знаю, что происходит, я все это контролирую, управляю этим». Интерпретация – это попытка превратить волну в частицу, незнание в знание, бессознательное в сознательное. Чем сильнее наш страх проживать волну интерпереноса, без-умие вдвоем, тем больше мы говорим и интерпретируем в ходе анализа. Но мы и не можем осознавать полностью это без-умие встречи с Другим как Чужим в принципе. Мы можем только выхватывать себя из него на некоторое время и размышлять о нем – о «морских фигурах».

Без настоящей встречи с Другим как с Чужим не может быть настоящего психоаналитического процесса. Но настоящая кентаврическая встреча с Другим – это всегда без-умие, всегда *folie à deux*. Нужно хотя бы немного отказаться от власти и доминирования ума и сознательного контроля, чтобы разрешить себе встретиться с Другим, а не с самим собой, со своими проекциями, стереотипами, кальками, трафаретами Другого. По большому счету мы можем осознать только небольшие составляющие этой формирующейся между нами кентаврической квантовой волны интерпереноса. Все остальное останется неосознанным в нашем взаимном

пространстве без-умия, которое принципиально вне нашего контроля и осознания. Это точно также справедливо к нашим без-умным сновидениям, особенно к тем, которые мы видим каждую ночь, но не вспомнили о них и уже никогда не вспомним. Останавливая на мгновение танец интерпереноса, мы можем осознавать только небольшие его составляющие, которые в следующее мгновение уже изменятся. Все остальное – *folie à deux* – без-умие встречи с Другим, которое не осознается и проживается бессознательно.

Поэтому самые ресурсные состояния и важные моменты и в сессиях, и в психоаналитическом процессе возникают тогда, когда мы ощущаем полную беспомощность, уязвимость, невозможность понять, осмыслить, заставить эту фигуру замереть, обуздать ее, описать в словах, проинтерпретировать происходящее хотя бы для самого себя. Дальше у нас возникает тревога утонуть в этом пугающем нас потенциальным индивидуальным безумием кентаврическом без-умии вдвоем, страх раствориться в нем, потерять границу между собой и иным, явью и сновидением, реальностью и фантазией, раствориться в реври (сновидении наяву). И мы начинаем активно действовать, отреагировать, защищаться – понимать, осознавать, интерпретировать, прорабатывать, прибегать к теоретическим концепциям, опираться на теории знаменитых аналитиков, включать свое профессиональное аналитическое Я, которое должно немедленно понять, что происходит, и освободить от тревоги. В результате мы выходим из процесса с помощью уже не внутренних, а произнесенных во вне слов и фраз, и выбиваем тем самым из процесса и пациента также.

Говоря о необходимости принимать без-умие вдвоем (*folie à deux*) и погружаться в него как о главном смысле нашей психоаналитической работы, нужно ясно осознавать, что в этом интертрансферентном процессе существуют две крайности или, точнее, волновые хвосты кривой нормального распределения. В одной из них аналитик сопротивляется созданию Иного (интерпереноса) с неосознанно кажущимся ему чужеродным и пугающим пациентом или, напротив, неосознанно рассматривает пациента не как Другого, а как знакомый объект своего внутреннего мира. Происходит отказ от встречи с действительно новым, неизвестным, чужим. В другой крайности аналитик проваливается во внутреннюю реальность пациента, становясь ее объектом. В обоих случаях речь идет или об отказе от встречи, или о подчинении, «приручении» одним другого. Или ковбой, приручая дикую лошадь, «ломает» ее и делает ее своим безвольным рабом, или дикая лошадь понесет с риском сбросить и затоптать потерявшего контроль седока. В обоих хвостах интерпереноса речь идет не о *folie à deux* (без-умии на двоих), а о *folie à un*³ (безумии на одного), так как в психоаналитическом кабинете оказываются не два пациента, а один аналитик или один пациент.

³ Для разделения описываемых психоаналитических феноменов я ввожу неологизм *folie à un*, которого не существует во французском языке.

В случае, если встреча двух людей, субъектов, их сознаний и бессознательных, а точнее, двух интерсознаний состоялась и продолжается, то развитие интерпереноса, его изменение и квантовый «танец» также может подталкивать интерперенос от центра в сторону того или иного хвоста, угрожая «поглотить» или аналитика, или пациента. Именно опасения этого как раз и могут побуждать аналитика неосознанно делать все, что необходимо, чтобы сохранять уверенность в том, что он способен удерживать *Иное* на своей половине, контейнировать и перерабатывать его в знакомое и понятное. Само *Иное* при этом ускользает, а у аналитика возникает иллюзия, что он может контролировать перенос пациента и собственный контрперенос, управлять бессознательным в аналитическом кабинете, что в этом случае и делает его «демиургом». Поэтому проживание бессмысленных состояний контрпереноса или, точнее, волны интерпереноса, где даже внутреннее слово не рождается, где ты вообще ничего не понимаешь – это самое дорогое в психоаналитическом процессе. Чем дольше мы способны это выдерживать без крика «фигура морская замри» (так как уже невозможно), без интерпретационного отреагирования, тем, на мой взгляд, психоаналитический процесс будет эффективнее.

Интерперенос, как многомерная нелинейная волна, захватывает все спектры, все пространство и в любой момент существует во всех своих проявлениях, аналогично кошке Шредингера в квантовой физике. Мы понимаем, что речь идет не только о двух состояниях, а о всех потенциально возможных состояниях «кошки». То есть фактически все потенциально возможные состояния интерпереноса сосуществуют одновременно. Все возможные фигуры «замри» существуют в одной и той же точке одновременно с самого начала процесса. Соответственно все будущие состояния сопротивления, инсайтов, отыгрываний – все они уже существуют с самого начала процесса.

Это то, что крайне сложно увидеть в реальном психоаналитическом процессе. Как правило, мы привыкли рефлексировать одномерные проявления переноса и контрпереноса, сохраняя «классическое» (в отличие от квантового) психоаналитическое слушание и взгляд. Мне тем не менее представляется критически важным развитие аналитической способности не только переживать, но и стремиться осознавать совершенно различные пласты интерпереноса, сосуществующие в один и тот же момент психоаналитического процесса. Но в любом случае нам никогда не удастся вывести из тени на свет все его бесконечные состояния, что, конечно, и не нужно.

Психоаналитику важно поддерживать непрерывно пульсирующую профессиональную идентичность (от слияния к сепарации и обратно) – проживание квантового *Иного* интерпереноса (без-умие вдвоем) и аналитическое наблюдение за ним, возвращаясь в классическую позицию отдельного психоаналитического Я.

Квантовая психоаналитическая интер-суперпозиция: спрятавшийся Леонардо да Винчи

Два человека встречаются друг с другом для проведения аналитической работы. У каждого из них есть своя собственная жизнь, своя идентичность, свой внешний и внутренний мир. Рассматривая происходящее между ними взаимодействие с *классической точки зрения*, мы можем увидеть и описать возникающие у одного из них переживания, фантазии, ассоциации, воспоминания как перенос, у другого – как контрперенос. Одновременно очевидно, что большая часть их переживаний взаимосвязана, является продуктом взаимодействия бессознательное-бессознательное и проявляется в игре переноса-контрпереноса. Концепция психологической химеры Мишеля де М'Юзана как раз описывает эти феномены. Аналитик ловит образ химеры и, используя его, формулирует свою интерпретацию.

Если же мы решимся взглянуть на происходящее с *квантовой точки зрения*, то мы обнаружим описываемую М'Юзаном химеру лишь как одну из бесконечного множества возможных – статический образ, выхватываемый вспышкой света на одной из сцен танцующего в темноте интерпереноса. В классической картине этому внезапно ворвавшемуся в сознание аналитика образу химеры придается большая значимость, вплоть до проникновения в самую глубинную суть проблемы пациента. С квантовой точки зрения этот образ не более, чем одна из множества химерических фигур «замри». Придавать важное значение одной из этих химер – означает потерять контакт с продолжающей свой танец квантовой волной интерпереноса.

С квантовой точки зрения для аналитической работы встречаются не просто два человека с отдельными сознанием и бессознательным, а два интерсознания, каждое из которых находится в квантовой суперпозиции, то есть с разной вероятностью сосуществует во всех возможных состояниях. Согласно теории многомировой интерпретации, встреча двух объектов в суперпозиции создает третий, который будет рождаться «между ними» и также находиться в суперпозиции. Чтобы сделать акцент на аспекте «между ними», я ввожу новое понятие интер-суперпозиция для обозначения квантового состояния возникающего интерпереноса. **Интер-суперпозиция** означает, что квантовая волна интерпереноса живет и развивается одновременно в самых различных состояниях на бесконечных психических сценах.

Небольшая часть из этих последних отражает взаимодействие гребня интерсознания аналитика и хвоста интерсознания пациента. Тогда на этих сценах у аналитика существует устойчивое ощущение (вместе с тем являющееся иллюзией), что он живет своей жизнью, полностью независимой от пациента. Аналогично на сценах, где доминирует гребень интерсознания пациента, такое же ощущение есть и у пациента. На всех остальных бесконечных психических сценах с различными взаимодействиями многомерных нелинейных волн двух интерсознаний возникают совершенно

различные перипетии интер-суперпозиции интерпереноса – волны сталкиваются гребнями, рождают водовороты и вихри, поглощают, усиливают друг друга, создавая самые причудливые волновые спектакли. И все это одновременно, хотя и с разной вероятностью.

Квантовая волна интерпереноса может максимально пробуждаться, активизироваться и пульсировать в ходе сессии, отходя за кулисы между сессиями. Но она никогда не исчезает из психического мира обоих участников процесса. В другие моменты она, напротив, может мощно проявить свою активность вне аналитического кабинета, сохраняя пассивность внутри его, – мы называем это отыгрыванием (пациента или аналитика) вовне.

Выраженное в словах аналитическое наблюдение за этой постоянно изменяющейся квантовой волной интерпереноса может быть совершенно различным – от максимально пассивного до чрезвычайно активного. Последнее аналогично полному включению света. Так как сделать это аналитик способен только на самой ближней сцене, то весь интерперенос продолжит свою жизнь в полной темноте, а на свету окажутся только два «реальных» персонажа – пациент и аналитик, только что давший предельно рациональную интерпретацию, идущую от его сознания к сознанию пациента.

Напротив, максимально пассивное наблюдение будет сделано даже не в полутьме, а на грани исчезающего рефлексивного света – тихим голосом, если не шепотом, предельно односложно, с самым минимальным рациональным воздействием. Классические примеры: тихое «угу...», «м-м...», «и-и...» с совершенно разными интонациями. Такое наблюдение-воздействие совсем немного подсвечивает «танец», не стремясь ухватить его и зафиксировать в каком-либо одном химерообразном виде.

Чем ярче рефлексивный прожектор, тем сильнее воздействие на квантовую волну интерпереноса и, соответственно, тем с меньшей вероятностью нам удастся ее отследить. Мы сможем ухватить только ее образ до воздействия. Это как использовать яркую вспышку света, чтобы понять танец, разворачивающийся в полной темноте. Что-то зацепить удастся, но подобный перевод квантового процесса в классический, чтобы его проанализировать и интерпретировать, может сыграть плохую службу. При этом легко выдать желаемое, ожидаемое за действительное; свою конструкцию за проявление интерпереноса.

Все наши словесные интерпретации можно редуцировать и разместить на линии по степени активности воздействия на интерперенос. Тогда аллюзивные, намекающие интерпретации будут сохраняющими контакт с квантовой волной, а многословные, объясняющие интерпретации будут направлены на прояснение происходящего на ближних психических сценах.

Однако подобный линейный классический взгляд на интерпретацию в любом случае несет в себе чрезмерную редукцию и демиургическую заряженность. Мы снова возвращаемся в парадигму: аналитик воздействует, пациент изменяется.

С квантовой точки зрения ни одна интерпретация, которая звучит в аналитическом кабинете, не принадлежит ни аналитику, ни пациенту. Она зарождается в первичном бульоне интерпереноса, на одной из его бесчисленных психических сцен, постепенно обретает образную, а затем и словесную плоть и кровь, поднимаясь из первичного на уровень вторичного процесса интерпереноса, и затем выражается в словах одним из участников аналитического процесса. Весь свой путь до материализации во внешней реальности она проходит в интер-суперпозиции, принимая в конце пути одно из множества возможных проявлений. Этот переход из квантовой интер-суперпозиции интерпереноса в единственное классическое состояние происходит мгновенно, когда «кто-то» внутри аналитика или пациента принимает решение сказать именно это или обнаруживает себя говорящим.

С моей точки зрения, говоря о возникшем в рамках классического подхода понятии интерпретации, следует четко понимать квантовую *интер-трансферентную* природу ее происхождения. Поэтому в разрабатываемом мною квантовом психоанализе я называю процесс зарождения и созревания интерпретации вплоть до момента ее произнесения вслух **интер-интерпретативным**. Процесс беременности завершается рождением ребенка, в котором неразделимо живут оба его родителя. Аналогично интерпретация рождается в ходе такого интер-интерпретативного процесса. Я мог бы даже сказать, что по-настоящему мутационная интерпретация – это результат и конечная точка длительного процесса «беременности» интерпереноса, в ходе которого сначала в глубинах его первичного бульона зарождается определенный инсайт, развивается, постепенно поднимаясь на уровень вторичного процесса, созревает и в какой-то неведомый для обоих участников анализа момент рождается в словах, высказываемых одним из них. Не так важно, кто из них был роженицей, а кто отцом, перерезающим пуповину. В любом случае распределение по этим ролям возможно только в последний момент схлопывания квантовой реальности до классической – только на самой ближней ярко освещенной психической сцене. На всех остальных сценах такого разделения нет, там живет квантовая волна интерпереноса, в которой неразрывно присутствуют интерсознание и пациента и аналитика. Понятно, что в условной первой четверти психоаналитического процесса и «рождающей матерью» и «отцом», разрезающим пуповину и дающим отдельную жизнь интерпретации, преимущественно является аналитик. Но если анализ идет достаточно хорошо, то уже во второй четверти процесса пациент все больше становится «матерью» для возникающих интерпретаций, иногда начиная примерять на себя и роль «отца». В третьей четверти его внутренняя способность поддерживать процесс созревания интерпретации

усиливается, а отцовский функционал начинает все больше крепнуть. Наконец, в последней четверти пациент обретает способность быть одновременно и матерью и отцом своего внутреннего интерпретативного процесса. Совместная работа аналитика и пациента завершается, внешний анализ прекращается, но он переходит во внутренний, бесконечный анализ, в котором переставший быть пациентом человек сохраняет контакт уже не с интерпереносом, а со своим собственным интерсознанием. Он продолжает внутренний аналитический процесс, в котором он уже без аналитика поддерживает встречу Я и Оно, становится матерью и отцом своих новых инсайтов и интерпретаций, приводящих к рождению его собственного психического *Иного*.

Осознание квантовой природы интер-интерпретационного процесса может помочь аналитику быть значительно более чувствительным к совершенно разным, даже противоречивым и кажущимся взаимоисключающими психическим пьесам, разыгрываемым одновременно на множестве сцен. В квантовом мире не доминирует кто-то один, ни аналитик, ни пациент. Психоаналитическая судьба интертрансферентного кентавра, того самого Иного, которое возникает в психоаналитическом пространстве, зависит не только от каждого из участников процесса, но все больше и от самого Кентавра, от степени его психической зрелости и способности развиваться психоаналитически, осмысляя, прорабатывая, развивая и понимая самого себя, свою интер-трансферентную природу в ходе интер-интерпретативного процесса.

Невероятно сложно продемонстрировать эти концептуальные рассуждения на клиническом материале, но я попробую хотя бы немного заглянуть за квантовую ширму.

На первой встрече у меня были противоречивые чувства в отношении Николая. С одной стороны, я увидел перед собой взрослого, независимого, хорошо одетого и состоявшегося мужчину, подчеркнуто отстраненного и самодостаточного.

Комментарий. Это мое вполне разумное, рациональное, несколько оценочное восприятие, которое я рефлексирую. На первый взгляд кажется, что это никакой не контрперенос и не то, что имеет хоть какое-нибудь отношение к интерпереносу. Однако это не так. Согласно квантовой интер-суперпозиции, не только то, о чем я думаю на сеансе, но даже и все то, что со мной происходит вне сеанса, имеет отношение к интерпереносу. Конечно, это будут совсем незначительные хвостовые колебания волнового процесса интерпереноса, но все же их вероятность не равна нулю.

С другой стороны, по мере его рассказа о своих проблемах я почувствовал его поиск доброго, но в то же время авторитетного отца.

Вроде бы это уже хорошо известный контрперенос. Но контрперенос бывает разный. Он зависит от степени участия в нем сознания,

от рефлексивной активности этого моего наблюдения (в данном случае самонаблюдения), от моих инвестиций в него, от того, как я его интерпретирую, насколько уверен в своих выводах. В зависимости от этого квантовый мир интерпереноса предстанет передо мной в той или иной классической форме. Используя метафору многомерного нелинейного театра с бесконечным множеством сцен, можно понять это следующим образом. Чем ярче рефлексивный свет одного прожектора, тем с большей вероятностью он выхватит только одну сцену или даже небольшую ее часть. Более приглушенный и менее сфокусированный свет позволит рассмотреть большее количество сцен и даже обнаружить уходящие в кромешную темноту контуры множества других площадок. Что на них происходит, мы не сможем ни понять, ни представить, но хотя бы мы будем знать об их существовании.

Так как контрперенос – это также волновой процесс, только распространяющийся в классическом, а не квантовом, измерении, то часто под ним мы понимаем его верхушку, видимый гребень, что в реальности составляет лишь сознательную часть контрпереноса (осознанный контрперенос). Многие психотерапевты уверены, что контрперенос – это те наши чувства, которые мы осознаем в ходе работы с пациентом. Однако это не более чем сознательный спектр контрпереноса. Использование такого сознательного контрпереноса базируется на идее, что эмпатию, лежащую в основе контрпереноса, можно и нужно сознательно развивать и тренировать, «погружаясь» в другого человека и изнутри стараясь прочувствовать его переживания.

Напротив, в проективной идентификации аналитик принимает эти переживания в себя, бессознательно идентифицируется с тем, что на него проецирует пациент. Аналитик одалживает пациенту свой психический аппарат, служит контейнером, в который помещается не переработанный пациентом опыт, прорабатывает и возвращает ему его. Здесь речь идет о бессознательной природе контрпереноса. Но как и в случае сознательного контрпереноса, так и здесь, это взаимообмен между двумя психиками. Мы сознательно и бессознательно обмениваемся разными психическими продуктами. Аналогично в концепции Мишеля де М'Юзана химера функционирует как совместный аппарат для двух психик с точным разделением вкладов каждой стороны: анализируемый предоставляет содержание, аналитик – процессы. Функциональные способности аналитика одалживаются анализируемым.

Осознание аналитиком происходящего психического взаимообмена чрезвычайно важно, но фиксация такого взгляда на аналитический процесс структурирует аналитическую реальность как классическую, полностью затемняя ее квантовость и, соответственно, делая недоступным контакт со множеством других состояний, где нет взаимообмена двух отдельных объектов, а есть третий квантовый объект, находящийся в интерпереносе.

Проще говоря, если мы ориентированы только на аналитическое осмысление игры перенос-контрперенос и происходящего бессознательного психического взаимообмена, то это означает, что мы схватываем интерперенос только на видимых психических сценах – в статических фигурах «замри», фокусируем свое внимание на образах «частиц» (различные химеры), теряя при этом сам волновой процесс интерпереноса.

Я же вижу главную задачу анализа в сохранении аналитиком контакта с квантовой многомерной волной интерпереноса, а не только через ее схватывание посредством многочисленных классических проявлений в виде игры переноса и контрпереноса – через химерообразные фигуры «замри».

Последнее аналогично тому, как рассказывать о танце, реализуемом в темноте, о его сути и смысле по редким флэш-образам, остающимся при вспышках. Это, конечно, дает определенную информацию, но было бы чрезвычайно наивно полагать, что только на основании таких дискретных флэш-образов мы сможем понять танец.

Другая крайность – не пытаться ухватить волну интерпереноса, присвоить ее, переработать, контейнировать, интерпретировать, а стремиться «пробывать» в ней. Это как «отдаться» танцу, проживая его, чувствуя и переживая без попытки его осмыслить и отрефлексировать. Для того чтобы это стало возможным, необходимо выйти из собственной идентичности в направлении без-умия, навстречу пульсирующей волне интерпереноса.

Всадник должен выйти из своей идентичности навстречу лошади, чтобы родился кентавр. Если всадник будет стремиться залезть в голову и душу лошади, чтобы ее лучше понять и помочь ей стать домашней лошадью, все, чего он сможет добиться таким образом – это навязать ей свою волю, заставить быть своим объектом, потерять свою идентичность, не обретя новой. Это будет не кентавр, а всадник на своей лошади, которая ему во всем подчиняется и следует его «доброжелательным» побуждениям. Только в кентавре лошадь сохраняет свою субъектность, обретая новую идентичность кентаврического Я. В этом случае она не объект проработки, контейнирования, развития, лечения и т.п. Она – самостоятельный субъект, решивший создать новую кентаврическую сущность с человеком. Если всадник не выйдет из своей идентичности, то никакого кентавра не будет. Точнее, он будет, но будет уродливым, в котором у раздутого нарциссического Я ковбоя появится еще одно нарциссическое продолжение – обузданный, а точнее, низведенный до объекта конь.

Нам нужно научиться терять свою идентичность, чтобы вновь обрести ее – новую, *иную*. Разрешить себе, своему интерсознанию включиться в квантовое приключение с Другим интерсознанием. И вот это разрешение и стремление к кентаврическому слиянию с другим позволит хотя бы немного начать чувствовать квантовую волну интерпереноса, неизбежно формирующуюся и развивающуюся вне нашего желания и контроля. Полностью проживать ее, как, например, лошадь в кентавре, аналитик никогда

не сможет и не должен. Одновременно у него формируются другие интерпереносы с разными пациентами, с женой или мужем, детьми, друзьями и коллегами по работе. Все мы в той или иной степени продолжаем жить в интертрансферентных отношениях с нашими родителями, живущими или умершими, с их родителями и в целом со всеми поколениями нашего рода. У нас формируются такие квантовые психические волны даже с нашими домашними животными, особенно с теми, кто играл важную роль в нашей жизни. Кроме того, даже лошадь не посвящает себя полностью своей новой кентаврической идентичности. Параллельно она развивает другие отношения, например, с теми, кто за ней ухаживает, кто с ней играет, с другими лошадьми рядом с ней.

Самая небольшая деперсонализация, некоторый выход из своей идентичности вызывает у нас естественную сильную тревогу. Собственно развитие устойчивости, толерантности к этой тревоге и способность к деперсонализации, как раз и обретаются в ходе личного анализа. Но основное сопротивление погружению в интерперенос кроется в принципиальной невозможности полностью ощутить, осознать его нелинейный многомерный танец – поэтому нам так страшно. Это как попытка погрузиться в бесконечный Космос, всматриваясь в звездное небо. В любом случае мы можем уловить только небольшую его часть. Все остальное будет навсегда скрыто от наших глаз и никогда не откроется, в том числе и для взгляда астрономов.

Сколько бы лет анализа не было, каким бы эффективным он ни был, мы никогда не будем способны осознать всю бессознательную глубину интертрансферентных отношений с пациентом. В противном случае это отражало бы идею, что квантовую волну интерпереноса можно постепенно поставить под сознательный контроль, контейнировать, проработать. Но с квантовой точки зрения это означало бы лишь то, что сам интерперенос (бессознательное в аналитическом кабинете) продолжил бы жить своей собственной жизнью, а мы бы «эффективно» прорабатывали перенос и контрперенос, которые представляли бы собой только одну из бесконечного множества возможных химер интерпереноса, одну из фигур «замри».

Пульсирующая, развивающаяся по своим неведомым нам законам квантовая волна интерпереноса практически тотально бессознательна и становится осознаваемой только в редкие моменты схлопывания ее интерсуперпозиции, когда она обретает привычный нам «классический» статус. Моя фраза: «Я почувствовал его поиск доброго, но в то же время, авторитетного отца», – описывает как раз такое схлопывание. Я что-то почувствовал и тут же заключил это в рамки контроля-понимания: «Я подумал в связи с этим о возможном отцовском переносе в будущем». Быстрый рефлексивный флэш и быстрая гипотеза, интерпретирующая мои чувства. Это действительно моя гипотеза-интерпретация возникшей фигуры «замри»? Или это пациент неосознанно заставляет меня именно так чувствовать и думать? Или все-таки это мое прикосновение к уже

разворачивающейся с самого начала первой сессии квантовой волне интерпереноса? Попытка ее ухватить, вместо того чтобы позволить себе проживать ее?

Если же мы ищем именно волнового, а не дискретного, частичного (от слова частица) осознания и понимания в работе с пациентом, то мы можем стараться наблюдать квантовый интерперенос с разных сторон, чувствовать и осмысливать его в разных классических проекциях, на разных доступных нам в текущий момент психических сценах.

Но внезапно и совершенно неожиданно для себя я постепенно, в ходе все той же первой встречи, начал ощущать теплые чувства к пациенту, желание позаботиться о нем. У меня промелькнула фантазия, в которой я успокаиваю его, укачивая на руках как очень маленького ребенка.

Сознательно я чувствую его поиск отца во мне, и вдруг у меня возникает смутное ощущение, что я хочу быть для него скорее матерью, чем отцом. Откуда это возникло? Эти неожиданные переживания и фантазии проявились не в результате рефлексивного осмысления ситуации, попытки понять, что он хочет от меня, что ищет во мне, каков его возможный перенос. Конечно, они могут быть следствием проективной идентификации, когда пациент «побуждает» меня занять материнскую позицию. Скорее всего, так и есть, но только в проекции многомерной квантовой волны интерпереноса на классический психоаналитический экран.

Я убежден, что крайне важно одновременно с этим классическим взглядом на разворачивающуюся ситуацию удерживать и проявляющийся контакт с квантовым интерпереносом. С этого ракурса мы можем увидеть разыгрываемые одновременно различные пьесы на психических сценах нелинейного многоуровневого психоаналитического театра. На одной из них, ярко освещенной сцене я продолжаю общение со взрослым и независимым мужчиной. На другой, с достаточно хорошим освещением, – я предстаю в виде авторитетного и доброго отца, выслушивающего мальчика-подростка. На третьей сцене, практически в полутьме, я уже молодая женщина, качающая на руках младенца и готовящаяся накормить его молоком из своей груди.

Где-то в глубине тем не менее я почувствовал некоторое напряжение, которое после встречи связал с его внутренним еле заметным вовне возбуждением и тревогой.

Это то, что я ощутил где-то на границах моих эмпатических возможностей в данный момент, но о чем у меня не было ни малейших фантазий, ассоциаций, чувств. На самой сессии я никак не мог, да и не стремился это осмыслить. Однако уже после ее завершения мне, видимо, все-таки потребовалось себя успокоить, что я и сделал, защитным образом связав мое напряжение с переживаниями пациента.

Мои небольшие клинические зарисовки, кажется, ясно демонстрируют, что любое прикосновение к волне интерпереноса включает у аналитика защитную потребность немедленно рационально осмыслить, от-рефлектировать, означить переживаемое им и тем самым овладеть этим, поставить под свой контроль. Это защитный процесс, но одновременно и процесс постепенного понимания пациента. Мы не можем познавать неизвестное без формирования одного «мифа» за другим, перехода от одной гипотезы к другой, от незнания к некоторому знанию, постепенно углубляя и развивая его.

Однако с квантовой точки зрения все выглядит совершенно иначе. Мы в принципе не можем соприкоснуться с тем, во что мы и так полностью погружены. Точнее будет сказать, что каждое рефлексивное осмысление возникает не от прикосновения с волной интерпереноса, а вследствие защитного выныривания из нее. Рефлексия как спасательный круг выталкивает нас на поверхность в те моменты, когда нам или перестает хватать воздуха двигаться вместе с волной, быть ее частью, или мы выныриваем от тревоги, страха, невыносимости некоторой потери собственной идентичности. Выныривая, мы включаем аналитическую рефлексивность и тем самым схлопываем квантовость интерпереноса, переводим его в знакомый и успокаивающе понятный нам классический вид. Мы обнаруживаем себя уже не внутри постоянно изменяющейся многомерной волны, а на твердой поверхности с четкими границами. Успокаиваясь, мы осмысливаем происходящее и формулируем гипотезы. Чем слабее устойчивость аналитика к деперсонализации, тем более невыносимым ощущается им проживание интерпереноса, тем быстрее и резче он будет «всплывать», возвращаться из квантовой в понятную ему классическую реальность, тем чаще он будет прибегать к психоаналитическим теориям и авторитетам, чтобы защититься от того особенного уникального интерпереноса, который возникает у него в работе с конкретным пациентом.

Мать, которую на одной из сессий он назвал «Снежной королевой», и отец Николая пили, по его словам, без перерыва все его детство и юность. Единственным теплым пятном стал переезд семьи в квартиру к бабушке, когда ему было 6 лет. Бабушка стала для него самым любимым и любящим его человеком, замещающим материнским объектом. Она внезапно умерла, когда ему было 13 лет. После этого он погрузился в пучину депрессии, при этом никак даже не пытаясь переработать боль от ее потери и не проделывая работу горя.

С самого начала чувствуя желание окружить его теплом и заботой, как его любимая бабушка, я внезапно поймал себя на ассоциации – стремлении «залечить его раны». Я спросил себя в связи с этим: «от каких ран я хочу его излечить?». Ответ казался очевидным: от непережитой боли, связанной с потерей бабушки.

Это первый прозвучавший внутри меня рефлексивный ответ-интерпретация моего желания позаботиться о нем как бабушка был

очевидным и разумным. Было понятно, что как его аналитик, я хочу помочь ему залечить раны от не пережитого горя, связанного с потерей бабушки. Но что-то не давало мне согласиться с этим. Нельзя было сказать, что он совсем не переживал боль от потери бабушки. Он много и долго плакал после ее смерти. Понятно, что работа горя была проведена лишь частично и в самой глубине себя, Николай до сих пор «магически» верил, что бабушка жива и вернется к нему. Но одновременно у меня было странное ощущение, что рана была глубже.

Внезапно я услышал внутри себя: «От боли, связанной с потерей матери». Это была парадоксальная ассоциация, которая очень удивила меня, так как его мать была жива и не болела ничем серьезным.

Эта внезапно возникшая фигура «замри» заставила меня быть более чувствительным к скрытым сторонам разворачивающегося между нами интерпереноса. Что я почувствовал изнутри этой квантовой волны? На каких других менее освещенных сценах разыгрываются сюжеты о ранах Николая и обо мне как о его исцелителе? Идет ли речь о психической сцене, где в раннем детстве Николая мать не давала ему нужного внимания, заботы, любви, так как много пила и поэтому психически отсутствовала? Но в моей ассоциации речь шла о боли, связанной с потерей матери, – так, как если бы его мать умерла. Оказался ли я в момент своей ассоциации на сцене, представление на которой было посвящено сюжету о его страхе возможной потери матери? Или на сцене, где он желает смерти матери? Действия на всех этих сценах, безусловно происходили одновременно на разных проекциях интерпереноса в классическое пространство. Такие сцены возникают при схлопывании интер-суперпозиции квантового пространства интерпереноса, в результате которого проявляются бесконечные фигуры «замри», классические психические сцены нелинейного многомерного театра. Поддерживаемый контакт с квантовой волной, проживание происходящего внутри ее позволяет аналитику открывать эти дискретные сцены и вместе с пациентом интерпретировать театральные постановки, разыгрываемые на них.

«Перепрыгивая» с одной сцены на другую, аналитик может приблизиться к границе света и тьмы – туда, где очертания новых, уходящих в полную темноту сцен еле видны. Где-то там, на одной из них, мне почудилось, что за образом «Снежной королевы» прячется любящая мать его самого раннего детства.

Возможно, его мать не была сначала холодным, замкнутым и безэмоциональным объектом для него. Возможно, она была достаточно теплой и хорошей в первые полтора года жизни Николая. Возможно, после внезапной потери своего отца и последующей за этим через несколько месяцев смерти матери, она погрузилась в глубочайшую депрессию. Возможно, будучи не способной пережить колоссальную боль, она замкнулась в своем горе, начала пить, втянула в пьянство слабого, неспособного

ее поддержать мужа и отгородилась от маленького сына. Теплая всемогущая мать превратилась в холодную «Снежную королеву».

Я спросил себя, что было до этой настигшей его мать трагедии? Был ли Николай долгожданным ребенком, любила ли его мать, как она его любила? Любил ли его отец? Отгородился ли и он от маленького сына, запив вместе с женой? Неужели действительно могла произойти очень быстрая трансформация образов матери и отца в его раннем внутреннем мире? Николай был совершенно уверен, его мать была полностью отсутствующей и не интересовалась им с самого момента его рождения. На мое предположение о любящей матери раннего детства он ответил категорическим отказом.

Я не продолжил эту тему, в том числе и потому, что я сам не был уверен в своих предположениях: мало ли что мне могло показаться на дальних рубежах интерпереноса! Но в ходе разворачивающегося психоаналитического процесса я продолжал сохранять чувствительность к соответствующему материалу, что в результате сыграло чрезвычайно важную роль в последующем анализе.

С самого начала анализа, утверждая, что не любит и боится видеть сны, так как в них оживают его страхи, он рассказывает о своем первом за время анализа сновидении только через три месяца после начала нашей работы. В этом сновидении он стоит напротив женщины-индианки. Она была внутри закрытого ящика, крышка которого была стеклянной, и поэтому Николай мог видеть ее. Женщина была одета в индийское сари. «Я знаю ее, но не помню, кто это. Ей было примерно 30 лет. Она смотрела на меня, и я смотрел на нее. Ее тело было по пояс в земле. Все это происходило ночью, внутри этого ящика был красный свет и поэтому эту женщину окружал красный свет. Она улыбалась мне улыбкой Джоконды». В своих ассоциациях он говорит, что такими ящиками закрывают на зиму каменные статуи в парках Москвы и что, с другой стороны, этот ящик напоминает ему гроб.

Мне сразу вспомнилась моя прогулка по Архангельскому зимой. Я был поражен весьма сюрреалистической картиной парка, в котором статуи были полностью закрыты деревянными ящиками. Это было как кладбище статуй.

«Это могла бы быть статуя Будды», – сказал Николай и тут же добавил, что «эта женщина была сексуальной. Сама атмосфера была сексуальная. Слово какая-то таинственная, не пережитая мною любовь, интерес, страсть. Она меня соблазнила своим видом, улыбкой...». И, словно успокаивая себя, он добавляет: «Сон был созерцательный, и эта фигура женщины была очень статичная, неподвижная, как, впрочем, и я. Я чувствовал, что я не мог двигаться, да я и не хотел двигаться. Мне было важнее просто смотреть на нее».

Я обратил внимание Николая на то, что, будучи по пояс в земле, женщина тем не менее была одного роста с ним, что означало, что она в реальности была в два раза выше его. Удивившись этому обстоятельству и немного помолчав, Николай произнес: «Она была как Божество, как предмет культа, который ожил и с которым я мог общаться».

Я заметил, что маленькому ребенку мать кажется огромным и божественным существом. Он ответил: «У этой женщины были черные волосы, как у моей матери... но я уверен, что это была не моя мать». Внутри себя я сразу же вспомнил хорошо известный пример Фрейда, описанный в его статье об отрицании: «"Вы спрашиваете, кем может быть этот человек в моем сне. Это не моя мать". Мы уточняем: "Следовательно, это и есть его мать"»⁴ (Freud, 1925, p. 234). Разумеется, я ничего не сказал Николаю об этом.

Думая о 30-летнем возрасте женщины во сне Николая, я спросил его, в каком возрасте мать родила его, и услышал ответ: «Мама родила меня в 28 лет. Я помню, что я восхищался ею в раннем детстве, она была божественно красива». После некоторого молчания он добавил: «Я помню свое самое раннее воспоминание. Бабушка взяла меня из колыбельки и поднесла к печке, чтобы показать мне огонь. Я часто вспоминаю это».

Я сказал: «Огонь красный». Он связал огонь с красным светом внутри ящика и продолжил: «Пламя в печи вызвало у меня восхищение. Оно освещало лицо бабушки, когда она держала меня на руках. Языки пламени, казалось, играли у нее на лице».

Я был очень удивлен этому внезапному сну Николая, который, кажется, подтверждал мои догадки о возможных переживаниях двухлетнего ребенка, мать которого, «окаменев» от горя, связанного с «гробами» своих родителей, стала для него недоступной и закрытой богиней. Однако красный свет, огонь и тепло от печки, скрытая сексуальность женщины во сне опровергали образ матери как Снежной королевы. Было ли это только отражением бабушкиного, а не материнского тепла и сексуальности? Или этот красный свет символизировал спрятанную эмоциональность матери – ту, которую иногда чувствовал Николай, например, когда перед сном она читала ему рассказы на ночь? Красный свет, как и пламя в печи, были, кроме того, запретными (запрещающий знак светофора) и опасными (огонь).

На ближайшей психической сцене мы словно видим прямое подтверждение того, что эта индианка (вера в реинкарнацию в Индии!) – один из образов его бабушки, которая не умерла, а реинкарнировала и продолжает жить как Божество. Бабушка действительно была объектом культа для него на протяжении всей жизни после ее смерти. Он продолжал

---

⁴ "You ask who this person in the dream can be. It's not my mother.' We emend this to: 'So it is his mother" (Freud, 1925, p. 234).

боготворить ее и в течение анализа, понадобились годы работы, чтобы он, проведя полноценную работу горя, смог освободить свою память о реальной бабушке от написанной поверх иконы. Образ бабушки предельно поляризован на идеальный, прекрасный и отвратительный, ужасающий (Баба-яга). Передний план сцены – фигура божественной бабушки, гроб со стеклянной крышкой, оживший культ. Бабушка продолжает быть живой в квантовых глубинах его внутреннего мира, он не хочет делать работу горя, чтобы продолжать сохранять связь с ней – как он убежден, с единственным человеком, который его любил всем сердцем.

Даже с классической точки зрения в первом сновидении пациента не может не проявиться перенос. С квантовой точки зрения любое воспоминание о сновидении – это результат схлопывания интер-суперпозиции, проекция квантовой волны интерпереноса, танцевавшего свой танец во время сна пациента, во внешний классический мир бодрствующего сознания и образование статической фигуры «замри» – памяти о сновидении. Соответственно, в любом сновидении пациента (как и в сновидении аналитика) всегда присутствует и перенос и контрперенос. Очевидно, что в большинстве сновидений аналитика, которые он видит на протяжении всей работы с пациентом, интерперенос, связанный с их работой, может быть практически не виден, так как он проявляется лишь посредством своей хвостовой волновой части. Однако, и мы это увидим дальше, он может напоминать о себе и гребнем, занимая все пространство сновидения.

Что касается этого сновидения, то, вне всякого сомнения, в одной из психических реальностей я был божественной бабушкой, объектом культа – умершим и одновременно живым. В другой – я, казалось, был материнской фигурой (Джоконда). В третьей – играл роль женственного бессмертного Будды. На всех этих сценах я был недоступным объектом, которому нужно или поклоняться или почтительно рассматривать за бронированным стеклом (картина Джоконды в Лувре). На других сценах, где ящик был гробом, я был непосредственно связан со Смертью – с ужасающей репрезентацией все той же бабушки. Эта вторая «темная», смертоносная репрезентация ставит свой спектакль на дальних планах трогательной сцены с пламенем в печи. Здесь место материнско-бабушкиного персонажа занимает Баба-яга, похитившая младенца и готовящаяся приготовить его на огне в печи, чтобы сожрать.

На той же сессии, вновь погружаясь в квантовый мир волны интерпереноса и в следующий раз выныривая из нее в классический мир, вместе с пациентом мы становимся участниками других постановок, несомненно связанных со всеми предыдущими в квантовой реальности, но не имеющих взаимосвязей в классическом мире.

На этой новой предельно статической сцене мать и младенец, находящиеся на определенном расстоянии, неотрывно смотрят в глаза друг другу. Больше ничего не происходит. Время, кажется, остановилось. Нет ни движений, ни слов, ни явно выраженных чувств. Смысл жизни каждого

из них в этом взгляде. Говорят ли они друг с другом с помощью глаз? Какие чувства в них передаются? Что в них отражается? Из зрительного зала мы это не видим, не понимаем, не чувствуем. Но мы одновременно и внутри этой сцены. Каждый из нас, и я и пациент, мы проживаем обе роли одновременно.

Действительно, в сновидении единственный контакт Николая с индианкой – глаза в глаза. Это материнский, первичный контакт с ребенком, но лишенный телесности. Более того, между ними непреодолимая дистанция, как если бы каждый из них стоял на краю бесконечно глубокой пропасти и не мог сделать ни шага навстречу другому. Сохранение контакта глазами любой ценой – в нем весь смысл и трагизм этого сюжета. Для них двоих за пределами сцены ничего нет. Никакого другого мира вне этого контакта глазами не существует. Удержание его критически важно для маленького Николая, как если бы эта женщина своим взглядом признавала его существование. Если она не будет смотреть на него или вдруг закроет свои глаза, он исчезнет. Пока есть ее взгляд, он существует. Если он позволит ей умереть в своем внутреннем мире и ее глаза закроются, его глаза закроются вместе с ее глазами, он умрет вместе с ней.

Теряя квантовую интер-суперпозицию интерперенос порождает в классическом мире бесконечное множество различных психических сцен. Мы способны рассмотреть лишь небольшую их часть, но, переводя внутренний взгляд с одной сцены на другую, мы можем немного увеличить их количество. Постановки на всех этих сценах идут одновременно, не прерываясь и не заканчиваясь. Переходя от одной сцены к другой, мы теряем продолжение сюжета на первой. Но если не переходим, а остаемся смотреть только один спектакль, то теряем всю квантовую психическую многомерность и становимся заложниками только одной химеры, одного сюжета, одной фигуры «замри», всего одной проекции интерпереноса в классическую реальность.

Предположим, некая химера вторгается в сознание аналитика в определенный момент аналитического процесса. Если у него возникает искушение мгновенно использовать ее для осмысления, понимания, интерпретации «здесь и сейчас», то теряется важнейший контакт с квантовой волной интерпереноса. Возникающую из глубин интерпереноса химеру можно метафорически описать как внезапное освещение одной из дальних психических сцен. Технически в этот момент у аналитика есть выбор из двух возможностей. Первая – фокусирование всего своего внимания на происходящем на этой сцене с целью более глубокого понимания пациента и формулирования соответствующей интерпретации. Вторая – использование этого внезапного освещения для того, чтобы разглядеть очертания происходящего на соседних дальних сценах, расположенных на разных уровнях вокруг освещенной. Это может помочь увидеть очертания других химер в многомерном мире интерпереноса и хотя бы немного подглядеть за их движением. Аналитик продолжит наблюдать, хотя и не так ясно, за первой химерой, но одновременно получит возможность встретиться и с другими.

Лично я уверен, что одной из важнейших задач аналитика должна стать попытка разглядеть как можно больше химерических сюжетов, разыгрываемых на совершенно разных сценах, а не гнаться за одним из них. Исследование только одной химеры подобно включению мощного сфокусированного прожектора. Ярко освещая одну конкретную сцену, он одновременно затемняет все остальные сцены вокруг. Интерпретация, основанная на сюжете, разыгрываемом на этой одной сцене, полностью лишает аналитика доступа к другим сценам и их химерам, фактически «убивая» множество других потенциально возможных интерпретаций. Если же мы откажемся от яркого сконцентрированного света в пользу мягкого рассеянного, приглушенного, распространяющегося во всех направлениях и подсвечивающего многочисленные сцены многомерного театра, то в награду получим не одну, а целое множество потенциально возможных интерпретаций. Этот процесс во многом аналогичен нашему стремлению при пробуждении удерживать в сознании по возможности большее количество сновидений, в противовес концентрации только на одном из них с целью его запомнить. Какую одну из потенциального множества интерпретаций выберет аналитик, или он просто продолжит следовать за квантовой волной – ему решать.

Важно то, что он останется в контакте с продолжающей свой танец квантовой волной интерпереноса и одновременно «разрыхляет» интер-интерпретативное пространство, насыщая его множеством потенциально пророщенных семян-интерпретаций. Какая из них прорастет первой, чей росток пробьется наружу и станет видимым для обоих – это тайна психоаналитического процесса. Отсутствие тайны и удивления может говорить о другом происхождении ростка – его предварительном проращивании в контейнере-рассаде на «подоконнике» аналитика и последующей посадке в удобренную почву пациента. В этом случае никакой неожиданности и удивления у аналитика не будет.

Но вернемся к клиническому материалу.

Присматриваясь, мы видим другие сцены. Внезапно я попадаю на улицу красных фонарей Амстердама, где с детским любопытством и возбуждением смотрю на освещенную красным светом женщину за стеклом. Я почти окаменел от напряжения, так как мне страшно, что мое возбуждение будет обнаружено, я всеми силами прячу его. Одновременно, я и эта манящая, соблазняющая, зовущая молодая женщина, обещающая фальшивую любовь на короткое время.

Внезапно луч света выхватывает из самой темноты Джоконду. На этой сцене мужчина в одиночестве стоит в темном зале Лувра перед картиной. Он подходит к ней, трогает ее руками, вглядывается в нее, стремясь поймать ее улыбку. Но чтобы он ни делал, между ними сохраняется непреодолимая преграда – бронированное стекло, через которое невозможно преодолеть. На холсте Джоконда изображена по пояс, в точности также, как и индианка в сновидении. Важен ли здесь

акцент именно на материнский взгляд и улыбку или есть еще и скрытое стремление к груди матери? Генитальность (вагина) похоронена в земле? Вместе с бабушкой? После ее смерти у женского объекта осталась только грудь с молоком, но и та недоступна?

Если аналитик продолжает сохранять контакт с интерпереносом, а не стремится немедленно структурировать, осмыслить, ввести в теоретические рамки аналитический опыт, то в его переходах от сцены к сцене нет линейной последовательности, нет стройных и ясных цепочек ассоциативных перемещений. В противном случае это было бы движением в рамках одной и той же классической сцены. Он не идет последовательно от первичного процесса ко вторичному, не поднимается с прегениального уровня на генитальный, не двигается от поверхности вглубь и т.п. Мы точно также квантово прыгаем от сцены к сцене, когда утром при пробуждении «хаотично» переходим от одного сновидения к другому, пытаюсь удержать их все в поле своего внимания и постепенно осознавая свою неспособность это сделать. Что-то нам удается удержать, все остальное мы неизбежно теряем. Но каждая сцена рождает в нас множество вопросов, не ищущих быстрых ответов. Эти вопросы оживляют, подсвечивают, разрыхляют пространство интерпереноса, делая аналитика более чувствительным ко всем возможным перипетиям развития психоаналитического процесса.

Все предыдущие сцены словно убеждали нас в силе привязанности Николая к материнско-бабушкиным объектам, с которыми были связаны смысл жизни, само существование, сексуальность и теплота, запрет, недоступность, угроза, страх, ужас и смерть. Отцовские, мужские репрезентации практически полностью отсутствовали (за исключением Будды) и даже казались неуместными в этом многомерном представлении детско-материнских прегенитальных отношений. Видимо, как-то так иногда в анализе возникает материнский «гипноз», в который попадает аналитик. Иногда мы называем это прегенитальным болотом, из которого ему очень трудно выбраться, особенно потому, что он не осознает, что в него все больше погружается вместе с пациентом. Это происходит от того, что аналитик и пациент попадают на одну-две психические сцены, которые как Сирены в античных мифах полностью завладевают их сознанием. Слушая бесконечное усыпляющее пение о матери и ребенке, аналитик и пациент отказываются от продолжения психоаналитического путешествия, оказываются полностью заблокированы в ограниченном психическом пространстве, в котором продолжает разыгрываться одна и та же пьеса в различных ее вариациях.

Сохранение контакта с квантовой волной интерпереноса – это единственная страховка от «зависания» в одной-единственной химере, на одной сцене, в одной классической реальности. Схлопывание волны порождает множество сцен, что не позволяет отдавать предпочтение какой-либо из них. Как и при просыпании, если мы будем стремиться понять, какое сновидение для нас самое важное, то потеряем и большую часть его

самого, и все остальные. Если же отпустим себя и позволим себе переходить от одного сновидения к другому, то у нас есть шанс увидеть более многомерную картину.

Так было и здесь. Внезапно и совершенно неожиданно для меня, я оказался на сцене вместе с Леонардо да Винчи. Джоконда – это картина, которую нарисовал мужчина. Всмотриваясь в материнско-бабушкин образ, удерживая контакт глазами, возможно, Николай стремился разглядеть в них своего отца, слабого мужчину, прячущегося за матерью или скрытого ею? Или, напротив, всемогущего божественного отца, создавшего (нарисовавшего) ее? Ведет ли он скрытый диалог с отцом посредством матери, через нее? Хочет ли он, чтобы Отец-создатель написал и его портрет, вдохнул в него новую жизнь, сделал его таким же великим и известным, как и он сам? Наделяя меня творческой силой Леонардо, ожидает ли он от меня чудесного исцеления, нового образа себя, подобного великому Творцу? Или он заворуженно и не смея сдвинуться с места наблюдает за первосценой, непостижимой связью Отца (Леонардо) и Матери (Джоконда), выраженной в картине? Но он сам нарисовал все это в своем сновидении. Означает ли это, что на этой сцене он сам ощущает себя великим художником, отцом, под чьей кистью послушно оживает мать? Леонардо да Винчи великий, но всё же обыкновенный человек, который умер, но одновременно он победил смерть и стал бессмертным, благодаря Джоконде. Ищет ли Николай такого же великого бессмертия, рисуя в своем внутреннем мире бабушку как ожившее божество или нетленный образ?

Мой взгляд перемещается на другую сцену, где Леонардо рисует красивого молодого человека (его ученик Салаи), служащего ему прототипом для Джоконды. И вот уже мы не в материнском, а целиком отцовском мире, где разыгрываются сложные отношения отца и сына. Николай здесь занимает место матери в первосцене? Или рисует другого как свое подобие? Внезапно в этот отцовско-сыновний мир вторгается взрослая сексуальность. Согласно одной из версий, у Леонардо были гомосексуальные отношения со своим учеником, и это выносит на сцену ощущение возбуждения и запретной инцестуозной страсти (красный свет светового фара), опасности (огонь), вины и наказания (гроб).

Мы видим одновременное со-существование совершенно разных планов и пластов психики, эдиповых и преэдиповых, первичных и вторичных, материнских и отцовских.

В одном только красном свете пересекается множество ассоциативных линий: доступная сексуальность Амстердама (улицы красных фонарей), освещенные красным светом и стоящие за стеклом женщины и мужчины, тотальный запрет (красный свет светового фара), тепло и еда (огонь в печке), любовь и забота (языки пламени, играющие на лице бабушки), угроза и смертельная опасность (огонь в печке у Бабы-яги), наказание (красная обивка гроба).

Что-то из всех этих сцен мне удастся почувствовать и успеть осознать в ходе сессии, но большая часть приходит ко мне потом – вечером, когда я еду домой; на следующий день во время еды; через неделю, когда я занимаюсь любовью; через месяц на сессии с Николаем; через год во время работы с другим пациентом; сейчас, когда я пишу эти строки. Я просто привел разные ситуации, но на самом деле я представления не имею, когда квантовая волна интерпереноса схлопнется и мне удастся подглядеть за ее внутренней жизнью, остановив ее на мгновение и затем осмысливая возникшую фигуру «замри». Как бы то ни было, в любом случае все вышеперечисленные сцены представляют собой лишь ничтожно малую часть бесконечного множества психических сцен многомерного интерпереноса, которые возникают только при одном схлопывании интерсуперпозиции интерпереноса. Каждое новое «наблюдение» приводит к рождению нового бесконечного множества психических сцен со своими постановками и сюжетами. Они, конечно, будут как-то связаны и пересекаться по смыслу с предыдущими, но они никогда не будут их прямым продолжением.

Всю основную часть наших переживаний внутри интерпереноса нам никогда не дано осознать. Она проходит в абсолютной темноте, куда луч сознания в принципе не может добраться. Однако в некоторой степени доступные для осмысления психические пьесы интерпереноса проживаются нами практически во всех сновидениях, которые мы видим в период длительного анализа и долгое время после него. Каждое утро мы вспоминаем лишь небольшое количество ночных сновидений. Остальные уходят безвозвратно. Даже в тех, что мы запомнили, часто чрезвычайно сложно обнаружить хвосты интерпереноса с тем или иным конкретным пациентом. Как правило, мы связываем сновидение с пациентом только в том случае, если оно принуждает нас к этому. Во всех остальных случаях интерперенос успешно остается в тени. Поэтому самый таинственный уровень контрпереноса – это полностью неосознаваемый контрперенос, который уже никогда не получит шанса быть осознанным. Это те наши сновидения о пациенте, которые мы не помним и уже никогда не вспомним. Они навсегда останутся в квантовом пространстве интерпереноса, так и не получив права на воплощение в классическом мире. Следующий уровень контрпереноса – это те сновидения о пациенте, которые мы или с большим трудом выуживаем из сновидной бездны при пробуждении, или внезапно вспоминаем о них в тот же день или спустя некоторое время.

На той сессии, когда Николай рассказывал о сновидении с индианкой и когда я внезапно оказался на отцовской сцене вместе с Леонардо, рисующим Джоконду, я ощутил внутреннюю тревогу, лучше понять которую мне удалось только спустя год анализа – тогда я увидел сновидение о Николае, вызвавшее у меня при пробуждении испуг и тревогу. Именно это сновидение и открыло мне скрытую инцестуозно окрашенную сцену с Леонардо и его моделью.

Будучи абсолютно уверенным во сне, что это Николай, я играю с маленьким ребенком. Я сижу нога на ногу, он как лошадку оседлал мою правую ногу. Я держу его за руки и качаю его, поднимая и опуская правую ногу. Я чувствую во сне испуг, снимаю его со своей ноги и строго указываю на место рядом с собой. Первая моя ассоциация при утреннем воспоминании об этом сне была связана с моим страхом его гомосексуального желания, направленного на меня. Или, со страхом подумал я, может быть, у меня есть гомосексуальное желание, направленное на него. В следующий момент я вспомнил, что именно так я любил играть со своей маленькой дочкой, когда ей было 2-3 года.

2 года – это приблизительный возраст Николая, когда его мать замкнулась в своем горе (потеря родителей) и перестала быть эмоционально теплой и любящей матерью для Николая, отстранив его от себя.

Получается, что на одной из множества новых сцен, возникших в момент схлопывания интерпереноса в результате моего наблюдения за сновидением, я как холодная мать отстранил его от себя. На другой сцене я не холодная, а умирающая вместе со своими родителями мать, которая «забывает» о своем сыне. На третьей сцене – я счастливая женщина, только что родившая долгожданного сына. На четвертой – она же, но сломленная чувством вины и запивающая его алкоголем: вины перед матерью за то, что решившись сама стать матерью и дав жизнь любимому сыну, она тем самым забрала жизнь у нее, фактически убила ее; вины перед отцом за свою огромную любовь к сыну, маленькому мужчине, полностью заслонившем собой ее отца. Мать, отказывающаяся от своего ребенка из-за запрета на счастье, так как оно убило ее родителей?

Этот ход моих переживаний и размышлений в течение дня успокаивает меня, помогая убежать от тревоги, связанной с гомосексуальными желаниями. Но затем в какой-то момент вечера того же дня сцена с Леонардо да Винчи и его молодым любовником-учеником вторглась в мое сознание. Переживаю ли я чувства испугавшегося гомосексуальной близости отца, отказавшегося играть с сыном, прекратившего теплые телесные контакты и установившего жесткую дистанцию между собой и сыном? Или это страх не отца, а его собственный, который он переживал в более позднем возрасте, когда он играл и боролся с отцом и так нуждался в его теплых чувствах, ощущая холод со стороны матери? Тот страх психической гомосексуальной близости, который заставил его отстраниться от отца и держаться от него на расстоянии? Гомосексуальное желание, запрет и страх, перенесенные посредством *апреку* (Жибо, Россохин, 2005) в двухлетний возраст, когда отец провалился в депрессию вместе с матерью, оказавшись неспособным поддерживать ни ее, ни своего маленького сына?

Я увидел на других сценах, как мой страх кастрации и нежелание принять на себя его материнские и отцовские проекции продиктовал мне необходимость отодвинуть Николая на некоторое расстояние, ценой потери

контакта с его маленьким Я, ищущим телесного, сексуально окрашенного (но не инцестуозного) тепла в отношениях с отцом и одновременно на более глубоком уровне ищущим любящую мать. Знакомая всем игра в лошадку представляет собой не только веселую телесную игру между взрослым и ребенком, но также позволяет последнему получить «легитимное» мастурбационное удовольствие.

Сохраняя контакт с многомерной волной интерпереноса, удерживая в сознании разные психические сцены, проясняя и осмысляя их вместе с пациентом, аналитик неизбежно задается вопросами о том, на какую сцену/сцены обратить внимание пациента, в какой момент, какое «наблюдение» будет наиболее полезным, стоит ли интерпретировать фигуры «замри» или лучше продолжить психоаналитическое путешествие внутри квантовой волны. В любом случае способность наблюдать за раскрывающимся нелинейным многомерным театром и его постановками вне всякого сомнения не даст ему попасть в тиски одной-единственной химеры, оказаться заблокированным внутри одного сюжета переноса-контрпереноса, разыгрываемого в различных вариациях на одной и той же сцене.

Дву-смысленная идентичность: квантовый смысл чаньского изречения

Зачем нам нужен квантовый психоанализ? Зачем использовать то, что открыто в квантовой физике, исследующей внешний, «объективный» мир в психоанализе, изучающем внутренний мир человека? Не является ли это игрой разума? Желанием завернуть и так уже все известное в новую модную обертку и выдать за новую концепцию?

Квантовая физика первой вошла на нашу психологическую территорию. Именно она заявила о том, что внешний мир существует не в стабильном объективном состоянии, а представляет собой квантовую волну, находящуюся в суперпозиции. Являющееся инструментом классического мира наблюдение схлопывает эту суперпозицию до привычного нам классического состояния. То есть внешний мир никогда не существует как раз и навсегда данный и неизменный. Он всегда *иной*. И только под нашими взглядами он становится объективной реальностью. Делает ли субъективный взгляд реальность объективной и стабильной? Нет, она только кажется нам такой. Она всегда иная, и каждое новое наблюдение делает ее немного иной по сравнению с результатом предыдущего.

Психоанализ не может игнорировать квантовый подход, особенно по той причине, что весь наш клинический опыт говорит в его пользу. Возможно, самое важное и прямое доказательство квантовости человеческой психики – это наш сон. Не сновидения, множество которых мы видим каждую ночь, а весь сон целиком. Засыпая, мы теряем свое привычное нам Я, свою идентичность, знакомую картину мира. Мы находимся в каком-то совершенно неизвестном состоянии, о котором мы можем получить небольшую информацию в лучшем случае через несколько

запомненных нами сновидений. Что происходит с нами в других сновидениях? Кто мы в них? В каком мире мы оказываемся? Где мы пребываем в промежутках между сновидениями?

Мы знаем, что некоторые сновидения словно продолжают реальную жизнь. В них человек сохраняет свое Я и внешний мир остается прежним. Однако, как правило, сновидения другие. В них мы встречаемся с собой другим, чужим, иным. Будучи зрелым мужчиной, мы можем оказаться во сне женщиной, девочкой или старухой; маленьким ребенком, подростком или стариком; реальным или фантастическим животным; фрагментом строящегося дома; даже куском рыбы или надкусанным фруктом. Мы можем оказаться во сне кем угодно. Мы вспоминаем о ничтожной части из них утром и удерживаем в своем сознании, по крайней мере для того, чтобы рассказать об этом кому-либо, записать или запомнить. Эти встречи с собой *иным*, совершенно чуждым нашему знакомому Я, влияют ли они на него? Нам кажется, что если защитные механизмы психики работают хорошо, то никаких изменений не произойдет, мы успешно вытесним иные образы Я обратно в темноту, откуда они выплыли.

Называя эти встречи взаимодействием сознания и бессознательного, Я и Оно, мы тем самым изначально рисуем карту психики и ставим перед собой задачу – Я должно или контролировать Оно, или, что продуктивнее и полезнее для психического здоровья, Я должно понемногу осваивать приходящий из глубин бессознательного психический материал, плацдарм за плацдармом отвоевывая у него территорию для более свободной жизни Я. На территориях предсознательного могут обитать химеры, питающие творчество художников и писателей и/или угрожающие психическому равновесию человека.

Это знакомая нам классическая картина. Взглянем на происходящее с нами квантовыми глазами. А что, если мы *всегда* находимся не в классическом, а в квантовом состоянии/состояниях? Есть ли у нас квантовое Я (интерсознание)? Какое оно? Засыпая ночью, не возвращаемся ли мы в полностью квантовый мир, лишь иногда выходя из него в классический через те сновидения, которые мы запоминаем? И, наконец, просыпаясь и обнаруживая (наблюдая) себя реальным, не схлопываем ли мы тем самым суперпозицию квантового интерсознания до ее «заземления», проекции на классический мир в виде нашего привычного Я и окружающего нас мира?

В просоночном, промежуточном состоянии между сном и явью, это можно ощутить более точно. Я продолжаю пребывать одновременно в совершенно разных образах и состояниях, включая уже немного проснувшееся сознательное Я. Оно еще не активно, его наблюдение пока еще очень слабое и не приводит к немедленному переходу из квантового мира в классический. Таким образом, я могу переживать одновременно то, что происходит на совершенно разных квантовых сценах. Обнаружение себя при этом просыпающимся в своей кровати, в своем реальном мире, будет

проживаться не более, чем постановка на одной из сцен – не более важная, чем все остальные. Напротив, человек с психоаналитическим опытом (пациент, аналитик) будет скорее удерживать себя по возможности дольше в этом квантовом мире интерсознания, не фокусируясь чрезмерно ни на одной из сцен, а стремясь охватить по возможности разные сновидения, фрагменты которых он помнит, и хотя бы еще немного продолжить следить за действиями на этих сценах. Благодаря этому опыту, мы можем понять, что, когда мы спим, мы проживаем иную жизнь одновременно на бесконечном множестве сцен того самого нелинейного, многомерного театра интерсознания, о котором я писал выше. При мягком неторопливом пробуждении наше сознательное Я не вторгается активно в эту квантовую реальность и не схлопывает ее мгновенно до единственной ярко освещенной классической сцены нашей привычной жизни. В последнем случае переход из квантового состояния в классическое происходит мгновенно, и человек убежден, что он не видел никаких сновидений. Исчезает ли наше квантовое Я при этом? Какой тогда смысл называть «бессознательное» другим словом – «квантовое»?

Смысл в следующем. Схлопываясь до классического Я, квантовая волна интерсознания никуда не исчезает. В ее многомерном театре все пьесы продолжают свою жизнь. Просто то, что мы называем реальной жизнью, своим Я, своей идентичностью, – все это проживается лишь на одной из этих сцен. Именно поэтому в любой момент нашей «объективной реальности» квантовая волна интерсознания может совершенно непредсказуемо выйти на классическую поверхность в виде мечтательности, задумчивости, «потери себя» на некоторое время, снов наяву, грез, патологических состояний. Сохраняя основной свой гребень во время сна человека, квантовая волна его интерсознания проявляется микрогребнями в течение дня.

Когда в анализе встречаются не столько два сознания и бессознательных пациента и аналитика, сколько два интерсознания, два их квантовых Я, то возникающая между ними и развивающаяся в ходе психоаналитического процесса квантовая волна интерпереноса начинает влиять на всю «объективную» реальность каждого из них и изменять ее. Постепенно открывая в анализе квантовость своего существования, каждый участник этой встречи теряет свою идентичность, чтобы обрести ее вновь. При встрече Я и Оно у пациента с Я и Оно у аналитика, открытие квантового опыта может и не произойти. Но если их взаимодействие будет по-настоящему психоаналитическим, то они смогут открыть *Иное* между ними в анализе и, благодаря этому, обретут собственное *Иное*, иную идентичность. В том пространстве, где встретятся Я и Оно, должно возникнуть *Иное*.

В китайском чань-буддизме есть изречение: «Когда я еще не начал изучать чань, горы были горами, а реки – реками; когда я начал изучать чань, горы перестали быть горами, а реки – реками; когда я постиг чань, горы снова стали горами, а реки – реками». Н.В. Абаяев трактовал его следующим образом: «Хотя после всех испытаний и потрясений старый порядок

вещей восстанавливался целиком и полностью и все возвращалось на свои места, "горы становились горами, а реки – реками", в процессе интенсивной психической тренировки и саморегуляции весьма существенно менялось мироотношение и мироощущение чань-буддиста» (Абаев, 1989, с. 94). Он также ссылается на комментарий Н. Росса: «Мир остается прежним, меняется лишь точка зрения». Оба эти комментария, на мой взгляд, исходят из классического понимания внутренней и внешней реальности.

Не то же ли самое происходит в анализе с классической точки зрения? До того как начался анализ, пациент был собой, аналитик был собой. После того, как они начали анализ, пациент перестал быть собой и аналитик перестал быть собой (игра переноса и контрпереноса). После того как они завершили анализ и произошло полное разрешение невроза переноса, пациент стал другим, а аналитик снова стал собой (горы снова стали горами).

Прежде чем я опишу, как это происходит с квантовой точки зрения, я хотел бы предложить свою интерпретацию чаньского изречения. В классическом мире из какого бы нашего состояния мы ни смотрели на древние горы, они бы и не шелохнулись. Даже если бы в нашем восприятии они сюрреалистически расплылись или кубистически выстроились, в объективной реальности ничего бы не изменилось.

Однако в квантовом мире это не так. Горы всегда пребывают в ином состоянии, чем мы полагаем. Они всегда *Иные, квантово-волновые*. Любое наше наблюдение за ними, будучи инструментом классического мира, схлопывает это их квантовое *Иное* до, как нам кажется, знакомого нам, предельно стабильного и неизменного, объективного состояния. Но каждое такое схлопывание рождает *иное* состояние гор. Каждая новая классическая проекция квантового состояния представляет собой *иное*, а не возвращение к прежнему. Очевидно, что как волновая природа гор, так и их квантовая изменчивость под нашим взглядом бесконечно малы, но все-таки они никогда не равны нулю. То есть даже горы под нашим взглядом становятся *иными*, переходя из одного классического состояния в иное.

Приобретая в ходе «чаньского» процесса иной квантовый опыт интерсознания, монах навсегда сохраняет «дву-смысленное», классическое и квантовое, восприятие обеих реальностей. До того как он начал изучать чань, мир был классическим, стабильным и понятным. После того как он начал изучать чань, мир стал иным, квантовым и неизвестным. После того как он постиг чань, он обрел понимание дву-смысленности мира и себя самого. Мир и он сам продолжил быть квантовым *Иным*, и одновременно остался классическим и неизменным. В этом смысле и сам монах остался в классическом измерении самим собой, сохраняя свою идентичность, но одновременно обрел контакт с собой *Иным* в квантовом мире.

Аналогично *обоим* участникам психоаналитического процесса нужно потерять свою классическую идентичность, чтобы обрести новую двусмысленную (классическую и квантовую) идентичность – оставаться знакомым, понятным, стабильным Я и одновременно сохранять свою изменчивую и развивающуюся *квантовую идентичность*, свое квантовое Я (интерсознание). Развитие способности оставаться, одновременно, классическим *Собой* и квантовым *Иным*, *сохраняя и развивая двусмысленную идентичность: классическую и квантовую*, – возможно, это одна из главных задач психоанализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, Наука, 1989.
2. *Жибо А., Россохин А.В.* Психоанализ во Франции, или Как научиться жить с неопределенностью // Французская психоаналитическая школа (под ред. А. Жибо и А.В. Россохина). М.: Питер, 2005, 576 с. С. 13–42.
3. *Россохин А.В.* Коллизии современного психоанализа // Антология современного психоанализа (под ред. А.В. Россохина). М.: Институт психологии РАН, 2000, 487 с. С. 23–77.
4. *Россохин А.В., Измагурова В.Л.* Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии. М.: Смысл, 2004. 544 с.
5. *Россохин А.В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010. 304 с.
6. *Bion W.* (1978) A Paris Seminar // The Complete Works of W.R. Bion. Vol. IX. Routledge. London and New York, 2018.
7. *Chervet B.* (1998) De la chimère à l'interprétation // L'art du psychanalyste. Autour de l'œuvre de Michel de M'Uzan. Paris. Delachaux et Niestlé.
8. *Freud S.* (1925). Negation // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XIX (1923–1925): The Ego and the Id and Other Works. P. 233–240.
9. *Freud S.* (1933). New Introductory Lectures On Psycho-Analysis // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XXII (1932–1936): New Introductory Lectures on Psycho-Analysis and Other Works. P. 1–182.
10. *M'Uzan M. de* (1978) La bouche de l'inconscient // Nouvelle revue de psychanalyse, 17. P. 89–98.

Interpretation in Psychoanalysis: Where Ego and Id was, there the Otherness shall be

A.V. Rossokhin

Rossokhin A.V., *Doctor of Science** in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), full-time member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), past-President of the Moscow society of psychoanalysts, Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

In this paper the author continues to develop his own concept of quantum psychoanalysis, in which he describes in detail the diverse quantum nature of intertransference, different states of which coexist simultaneously in the psychoanalytic process. In the course of the analysis both participants lose their classical identity in order to acquire a new dual-meaning (classical and quantum) identity and develop the ability to remain both a classical Self and a quantum the Otherness. The paper substantiates the need to change the well-known Freud's formula, which, according to the author, should take the following form: "Where Ego and Id was, there the Other shall be". The theoretical concept is illustrated by detailed clinical material.

Keywords: psychoanalysis, interpretation, transference, countertransference, intertransference, identity, quantum psychoanalysis, intersuperposition.